

Судьба белого духовенства Шляйсгайма была достаточно похожей. Все они уехали продолжать служить у престола Божьего в Соединенные Штаты. Большинство священнослужителей устроились на приходы Восточно-Американской епархии РПЦЗ. Отец Евгений Лызлов был настоятелем храма в Филадельфии, штат Пенсильвания. Его ненадолго сменил отец Иосиф Гринкевич. Отец Антоний Юнак служил настоятелем там же в Филадельфии, в приходе «первой волны». В Лейквуде обосновались и служили о. Василий Бошановский, о. Владимир Григорович. Два священника служили в Свято-Троицком монастыре Джорданвилля — протоиерей Михаил Помазанский и архимандрит Аверкий. Лишь отец Владимир Востоков попал служить на западную окраину США — в г. Сан-Франциско. Все вышеназванные священники служили в юрисдикции РПЦЗ. Только отец Константин Каминский служил в Американской Митрополии (нынешней Американской Православной Церкви).

Такова формальная, очень любопытная и показательная, сторона анализа деятельности и судьбы белого духовенства Шляйсгайма. Однако самым важным остается тот духовный вклад, который сделало духовенство лагеря. Священники постарались быть всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых. Они поддерживали своим пастырским трудом тот религиозный подъем, который охватил русских беженцев, пожелавших остаться жить в странах Запада. Они и далее сопровождали и помогали своим пасомым, где бы те ни находились, словом, письмом, советом, но главное — горячей молитвой.

THE SECULAR CLERGY OF THE CAMP 'SCHLEISSHEIM'

A. KORNILOV

The report is the continuing of the research, carried out and proclaimed at the previous theological conference of Saint-Tikhon's Orthodox University of humanities in 2007. The first part of the research covered the lives of the bishops in the camp 'Schleissheim'. In the second part it pays attention to the secular clergy of the former camp, the further life of priesthood, their service in the USA.

*Протоиерей Николай Артёмов,
(Берлинская епархия РПЦЗ)*

СОБЕСЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КЛИРА ДВУХ ГЕРМАНСКИХ ЕПАРХИЙ (МП И РПЦЗ) 1993–1997 гг. КАК НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНСТВА РУССКОЙ ЦЕРКВИ

В статье рассказывается о беседах, которые проводились в 1993–1997 гг. между двумя архиереями с представителями клира двух епархий Русской Церкви в Германии (Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви). Объясняется исторический контекст тех лет, а также экклезиологические позиции, на которых строился данный диалог и которые в конце концов осуществились через восстановление канонического общения внутри Поместной Русской Православной Церкви.

Введение

Конец XX века был бурным для России и ее Церкви. Бурление 1990-х гг., динамика и открытость возможностей — при неясности перспектив — сегодня воспринимаются уже отстраненно. Куда-то ушла из нашего сознания атмосфера, которая составляет фон церковного диалога в Германии в 1993–1997 гг. Анализ стремительно менявшихся раскладов и взаимовлияний Церкви, государства и общества не входит в нашу задачу, надо лишь отметить это многогранное движение, полное как светлых надежд, так и горьких разочарований.

После длительного застоя в обществе и Церкви в июне 1990 г. был избран новый Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. В мае 1990 г. Русская Зарубежная Церковь, возглавляемая митрополитом Виталием (Устиновым), в лице Архиерейского Собора приняла решение в пользу своего активного присутствия в России. В этом была своя логика неприятия советского безбожного режима — свободная церковная жизнь была для нее немыслима без прославления российских Новомучеников и исповедников, без отказа от навязанного лицемерия, выразившегося как в «лояльности к советской власти», так и в «экуменизме». Подобного отказа тогда надо было добиваться. В России всегда были люди, мыслявшие в том же ключе, и когда открылись новые возможности, то естественно расширился поток общения именно с теми, кто в новой ситуации искал новых подходов.

Дотоле внутрицерковное общение между Московским Патриархатом и Зарубежной Церковью, хотя оно шло всегда на самых разных уровнях, было крайне стеснено. Оно сводилось к личным встречам верующих, клириков и архиереев двух частей Русской Церкви. Ограниченные возможности для общения в какой-то степени даже сближали нас психологически, смягчали существующее в ряде принципиальных вопросов противостояние. Поэтому частные встречи 1970–1980-х гг. проходили, как правило, в очень благожелательной атмосфере. Ввиду притеснений и гонений ярко ощущалось единство церковное, ощущалась близость православных русских людей между собой, а различия позиций хотя и были, но блекли на этом фоне.

Русская Зарубежная Церковь все десятилетия, начиная с возникновения, информировала заграничный мир о преследованиях веры в СССР, с 1950-х гг. начала помогать верующим литературой, в 1960-х гг. включилась в связь, именуемую «самиздат-тамиздат», откликнулась на начатки общественных движений («Хроника текущих событий», Комитет защиты верующих, Хельсинкские комитеты, издание христианских сборников «Надежда» и т. д.). Ближайшее отношение к этим общественно-церковным процессам имели русские люди в Европе, особенно в разделенной Германии и, в частности, Германская епархия. И вот Германия объединилась в конце 1989 г.

В то же время сразу по окончании 1988 г. ярко проявилась активность церковных низов. То, что происходило в высших эшелонах, не было ни видно, ни понятно за покровом официоза. Ощущалось торможение. Незадолго до выборов нового Патриарха Архиерейский Собор РПЦЗ в Мансонвилле (3/16 мая 1990 г.) решил о возможности принятия клириков и приходов в России, просящихся под омофор Русской Зарубежной Церкви из состава Московского Патриархата. Это было запоздалым подтверждением давно растущей связи с Россией: полтора десятка русских потаенных священников, оставшихся без архиерея, были в 1974 г. приняты в общение. По просьбам из России в 1982 г. тайно был рукоположен архиерей, епископ Лазарь (Журбенко). В свое время этот процесс будет исторически описан в целом, здесь же следует отметить лишь одно: эта активность мыслилась как продолжение помощи верующим¹. Здесь не место размышлять о других возможностях и оценивать их. Выражу лишь свое мнение о том, что на деле произошло: именно таким путем Русская Зарубежная Церковь тогда 1) теснейшим образом познакомилась с реальными проблемами русской церковной жизни, 2) приняла эти проблемы в собственные недра, 3) вынуждена была решать их как свои внутрицерковные и, наконец, 4) была вовлечена в конфликты по существу внутрироссийские, которые она отчасти усиливала, выявляя их, но при этом она оказывалась порой также полезным «громоотводом».

Готовность открыто и критически включиться из-за границы в российскую церковную жизнь вызвала ожесточение в Московской Патриархии. Все отрицательное, что было порождено этим противостоянием, следовало ради Церкви устранить. Но также ради Церкви нельзя было отказываться от того, что в свете свободы Церкви является естественным, оправданным и необходимым. Забегая вперед, отметим: благодаря Архиерейскому Собору Московского Патриархата в августе 2000 г. разрешились три принципиальных вопроса, которые Архиерейский Синод РПЦЗ поставил в ответе на официальное приглашение Московской Патриархии принять участие в юбилейных торжествах 1988 г. Согласно «Посланию Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей к пастырям и пастве Русской Православной Церкви» (1978), эти вопросы состояли в следующем: прославление Новомучеников, верное отношение Церкви к государству («сергианство») и к инославным («экуменизм»)². Более десятилетия эти три вопроса возникали вновь и вновь, пока, наконец, встречный отклик Архиерейского Собора РПЦЗ от октября 2000 г. на принятые в Москве решения открыл двери для продолжения, а отчасти и воспроизведения того пути, которым шли ранее представители двух епархий — Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви — на территории объединенной Германии.

Так стало возможным приступить на высшем уровне и к четвертому поставленному в документе 1987 г. вопросу: *о правильных канонических взаимоотношениях с Московским Патриархатом*. «Актом о каноническом общении» он был окончательно решен. Обе стороны отказались от исключительности, признали друг друга как части *единой* Русской Православной Церкви. На подарочных панагиях и крестах выгравировано:

¹ «Архиерейский Собор (1923 г. — *прот. Н. А.*) на основании бывших суждений определяет: признать положение, что представители епархий, находящихся за пределами России, в их совокупности, выражают голос свободной Русской Заграничной Церкви, но ни отдельное лицо, ни Собор иерархов этих епархий не представляет собой власти, которой принадлежали бы права, коими во всей полноте обладает Всероссийская Церковь в лице ее законной иерархии». Понятие «Всероссийская Церковь» с ее «законной иерархией» не исключает зарубежье, а естественно объемлет всецелую Русскую Церковь в свете Всероссийского Собора 1917–1918 годов. В задачи РПЦЗ включалась *помощь* верующим в России в максимально возможном объеме: «Имея своей непосредственной задачей духовное окормление заграничной православной русской паствы, Архиерейский Собор, Синод, и иерархи и священники в пределах своих полномочий должны оказывать всяческое содействие в удовлетворении различных духовных нужд, когда о том будут просить пребывающие в России церковные учреждения или отдельные христиане» (*Никон (Рклицкий)*, *архипеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. 7. С. 35).

² «Послание Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей к пастырям и пастве Русской Православной Церкви» от 6/19.11.1987 // Церковная жизнь. 1987. № 5–6. С. 129–133.

«В память о восстановлении канонического общения внутри Поместной Русской Православной Церкви, 4/17 мая 2007 года, г. Москва». И это слово «внутри» выражает суть проходивших в Германии в 1993–1997 гг. собеседований, осознававшихся участниками как *внутрицерковные*.

Начало диалога (1990–1992)

О возможностях и условиях официального диалога с Московским Патриархатом шла речь в определении Архиерейского Синода РПЦЗ³ от 30.11/13.12.1990 г. по поводу «Воззвания Архиерейского Собора Московского Патриархата» (от 25–27 октября 1990 г.). Начатый в 1993 г. в Германии диалог не был совсем беспрецедентным. Первый официальный диалог на уровне клириков имел место гораздо раньше. Идея появилась в «Комиссии по свободе совести» при Моссовете в июне 1991 г. Собеседование было проведено 16 августа 1991 г., за три дня до путча ГКЧП, в «Белом зале» Моссовета. В конференции, или «круглом столе», на тему «Декларация митрополита Сергия и ее последствия для Русской Церкви» участвовало около 15 клириков. Трое из них принадлежали к Русской Зарубежной Церкви, по меньшей мере, один недавно перешел из Московского Патриархата в Зарубежную Церковь, а двое перешли позже. Мероприятие было открытым для публики (собралось более 100 человек). При открытии конференции присутствовало телевидение. Подчеркивалось, что собрание происходит по благословению Патриарха Алексия II и митрополита Виталия⁴.

Три дня спустя зарубежные участники этого «круглого стола» неожиданно для себя оказались в водовороте переломных событий в России⁵, впрочем, как и те, кто из эмиграции приехал на «Конгресс соотечественников». Сразу после путча, в августе 1991 г., архиепископ Марк (Арндт) выступил с посланием «Свобода дана для обретения истины»⁶. Среди прочего в послании ставятся «точки над i» в наболевшем вопросе о покаянии. Устраняя односторонние и искажающие эту тему утверждения, архиепископ Марк подчеркивал, что покаяние должны принести все и что приносится оно перед Богом и Телом Христовым — Церковью. Нетрудно было понять, что здесь открывались двери для внутрицерковного диалога в перспективе подлинного духовного возрождения и выздоровления.

В подобном духе слова о диалоге прозвучали и в Послании Архиерейского Собора РПЦЗ от октября 1991 г.: «Необходимы частные беседы благоговейных чад Церкви — малых сих, понимающих, что возрождение веры и благочестия на родине, о котором теперь говорят и которого многие желают, должно начаться с духовного обновления нас самих, с покаяния и очищения нас от греховной нечистоты и самооправдания. “Чистые сердцем Бога узрят”, т. е. чтобы познать Бога и жить в Нем, необходимо очистить мысли, чувства и саму жизнь. Таким очищением себя положим начало некоторому предсоборному взаимопониманию, уяснению ошибок и отклонений от Истины. После такой подготовки возможен будет свободный от всякой “лояльности” и вмешательства чужеродных сил и их влияния, Всероссийский Собор». Однако к возможности проведения диалога на официальном уровне тогда было высказано скептическое отношение. В Послании было сказано, что разделение «можно победить обменом мнений и опытом, но не у круглых столов, или в комиссиях на высшем уровне, где каждый будет стоять на своем»⁷.

К родившейся в том же июне 1991 г. идее клириков, подчиняющихся Константинополю, Архиепископии Православных Русских Церквей в Западной Европе и Русской Зарубежной Церкви о возможной трехсторонней встрече в Западной Европе, архиепископ «парижской юрисдикции» Георгий (Вагнер) отнесся дистанцированно. Протоиерей Ф. ван-дер-Воорт в связи с этим писал: «Наш владыка Георгий интереса или восторга не проявил. Он считает, что этот вопрос его юрисдикции не касается»⁸. (Интересно, что по отношению к воссоединению 17 мая 2007 г. в Париже проявилась точно та же позиция, уже при другом архиерее.) Иначе подошли в Лондоне. Митрополит Антоний Сурожский был «готов всячески содействовать этому начинанию». Он писал: «Лучше всего было бы устроить встречу до середины октября — 27. Х. Патриарх будет в Лондоне, и можно было бы с ним поделиться непосредственно мыслями»⁹.

³ В п. 5 Определения сказано: «„Воззвание“ нас призывает к „открытому и честному диалогу“. На это мы должны заявить, что мы были бы на него согласны, если бы для такого диалога была общая платформа церковного мышления и если в нем будут участвовать лица, не запятнавшие себя сотрудничеством с безбожной властью и не подлежащие церковному суду» (см.: ЦЖ. 1990. № 5–6. С. 139–140; Вестник Германской епархии (далее ВГЕ). 1991. № 1 С. 6).

⁴ ВГЕ. 1991. № 5. С. 12–15. Среди участников были такие клирики, как Иоанн Экономцев, Кирилл Сахаров, Александр Борисов, Аркадий Шатов, Артемий Владимиров, Глеб Якунин, Михаил Ардов, Виктор Усачев, Василий Фонченков, Виктор Потапов, Николай Артемов, Герман Иванов-Тринадцатый и др.

⁵ Столица. 1991. № 3, спец. вып. См. также: ВГЕ. 1991. № 4. С. 13–14.

⁶ Издано отдельной листовкой в августе 1991 г. в Мюнхене. Опубликовано: ЦЖ. 1991. № 3–4. С. 25–28.; ВГЕ. 1991. № 5. С. 2–4.

⁷ ЦЖ. 1991. № 5–6. С. 3–5; ВГЕ. 1991. № 5. С. 2.

⁸ Письмо прот. Ф. ван-дер-Воорта иерею Н. Артемову от 07.09.1991.

⁹ Письмо митр. Антония (Блюма) прот. Ф. ван-дер-Воорту от 12.09.1991 (написано по старой орфографии).

Митрополит Антоний назвал четырех лиц, которые «могли бы внести полезный вклад в переговоры». Диалог этот не относится к заданной теме и приходится опустить многие интересные его аспекты, но важно отметить, насколько в переписке организаторов и участников этой запланированной встречи клириков трех «юрисдикций», действующих параллельно в Западной Европе, проявляет себя осторожность подхода в вопросах организации даже самых «неформальных» встреч¹⁰. Несмотря на благословение августовской конференции в Москве, Архиерейский Синод РПЦЗ счел необходимым издать разъяснение, что никто не имеет права и не уполномочен вступать в «переговоры» от имени Русской Зарубежной Церкви¹¹. Как видим, августовская встреча клириков в Москве вызвала в определенных кругах РПЦЗ и самой России опасения и неудовольствие.

До приезда Патриарха Алексия в Лондон встречу организовать не удалось. Был составлен список тем и необходимых документов из истории и недавнего времени, которые будут поставлены на повестку дня. Цель была в откровенном диалоге выявить все претензии, которые разные стороны могут иметь друг к другу. Поэтому в письмах шла речь о том, что предварительно необходимо взаимное признание благодатного священства всех участников. Кроме того, требовалось полное доверие архиереев к посланным ими представителям, хотя последние и будут выступать исключительно как частные лица и мнения их могут отличаться от воззрений их архиереев. Как выразился один из организаторов, для плодотворного диалога «благословение или достаточное доверие наших архиереев»¹² было получено. Обсуждались разные возможности мест проведения — Париж, Гаага, Брюссель, Германия. Наконец, 23–24 января 1992 г. встреча имела место в Дюссельдорфе (Германия), в православном центре Верстенер Фельд (Werstener Feld)¹³.

Встречу, на которую собралось восемь клириков, можно назвать успешной. Следующая встреча планировалась в Сербском Православном Центре в г. Химмельстюр (Himmelstür) 10–11 сентября 1992 г. Однако эта встреча в последний момент была отложена. В декабре 1992 г. началось обсуждение, как подвигнуть архиереев принять участие в одной из предстоящих встреч или как оформить общую открытую конференцию по истории Русской Церкви и об ее современном положении¹⁴. Неизвестно, какие последствия могла бы иметь трехсторонняя встреча с участием трех или четырех архиереев, которая имела в виду, ибо «история не знает сослагательного наклонения». Но здесь уместно подчеркнуть существенную разницу между этой встречей и последующими собеседованиями в Германии: отсутствие архиереев на встрече в Дюссельдорфе и, наоборот, изначальное активное участие двух правящих архиереев в диалоге 1993–1997 гг.

Диалог неофициальный (1993)

К сожалению, в дальнейшем процесс стал идти медленнее. Протоиерей Федор ван-дер-Воорт, например, в январе 1993 г. уже выражал сомнение в возможности провести встречу в скором будущем. «До сих пор я не получил никакой реакции из Англии», — писал он¹⁵.

Препятствием для диалога стало новое решение Московской Патриархии, в январе 1993 г. поставившей в Германию второго «Берлинского и Германского» архиерея. В вопрос встреч и диалогов явно вторгнулся новый стратегический фактор, предположительно обусловленный отношениями Церкви и государства в России. Событие это было трудным для церковного восприятия. Как выяснилось позднее, этот шаг не одобряли местные клирики Московского Патриархата, но услышаны не были. В ответ на этот шаг в «Вестнике Германской Епархии» было опубликовано Послание к пастве уже существующего архиепископа Берлинского и Германского Марка¹⁶. Его Русская Православная Епархия (Russische Orthodoxe Diözese des orthodoxen Bischofs von Berlin und Deutschland) была в 1926 г. преобразована из викарной в полноправную и признана государством корпорацией публичных прав в 1936 г. Этот статус подтверждался поземельно в послевоенной Германии. Права эти оспаривались советским режимом вместе с претензиями на церковное имущество.

Послание архиепископа Марка заканчивалось такими словами: «Надеемся скоро увидеть день освобождения Русской Церкви от оков, навязанных ей безбожной властью. Мы знаем, что в России среди верующего

¹⁰ Письмо прот. Федора ван-дер-Воорта, протоиерею Борису Бобринскому от 27.06.1991; письма иерея Николая Артемова протоиерею Ф. ван-дер-Воорту от 04.08.1991 и 05.11.1991. Письмо диакона Петра Скорера прот. Ф. ван-дер-Воорту от 14.11.1991.

¹¹ Письмо иерея Н. Артемова от 05.11.1991.

¹² Циркулярное письмо прот. Ф. ван-дер-Воорта от 30.10.1991.

¹³ Характерно для ситуации то, что находящийся в Дюссельдорфе архиерей Московской Патриархии, епископ Лонгин (Талыпов) ничего об этом мероприятии не знал и даже не должен был знать. Такова была реальность тех лет, обусловленная предшествующей эпохой. Но здесь, как и в вышеописанном случае с «парижской юрисдикцией», можно наблюдать определенную последовательность в позициях: незадолго до воссоединения 2007 г. архиепископ Лонгин действиями на экуменическом поприще создал взрывоопасную ситуацию, которую пришлось разряжать заявлениями Московского Патриархата и Германской епархии.

¹⁴ Циркулярное письмо прот. Ф. ван-дер-Воорта от 29.12.1992.

¹⁵ Письмо прот. Ф. ван-дер-Воорта иерею Н. Артемову от 27.01.1993.

¹⁶ Боголюбивой пастве Германской епархии // ВГЕ. 1993. № 1. С. 8–9.

народа и честных пастырей есть многие и премногие здравомыслящие и по-настоящему церковные люди, не согласные с поступками продолжающих следовать путями лукавства. Надеемся, что верность Богу этих православных людей откроет в дальнейшем процессе освобождения Русской Церкви пути к истинному Всероссийскому Собору, на котором можно будет подвести итоги и положить чистое начало для обновления жизни единой нашей многострадальной Церкви».

Резкость отповеди объясняется и тем, что — как сказано в примечании к тексту Послания — в Германии были ранее предприняты две попытки на основе подобия обозначений переписать церковное имущество на имя Московского Патриархата. Эти попытки не увенчались успехом, но такого сближения в наименовании главы епархии не было никогда, и это порождало опасения. Действительно, вскоре советская сторона (торгпредство) пыталась исследовать кадастровые записи без ведома и против желания собственника, что незаконно. Ельцинская директива того времени гласила: возвращать все бывшее российское имущество, там где это только возможно. В отношении Германской епархии РПЦЗ это касалось шести (с Копенгагеном — семи, с храмами «Владимирского братства» — девяти) храмов царского времени, от которых советское правительство в 1930-е гг. отказалось. Вокруг этих храмов вспыхнула борьба — и это уже не в первый раз.

Однако резкая реакция архиепископа Марка тут же, в «Вестнике», смягчалась публикацией из «Советской России» (31.12.1992) мыслей митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) о мнимом «расколе». Созвучно позициям Русской Зарубежной Церкви митрополит Иоанн писал: «Разделившись административно, Русская Церковь не потеряла своего духовного единства»¹⁷.

Весной 1993 г. созывался «Симпозиум православных и восточных церквей в Германии». Он состоялся 24–26 мая в «Евангелической академии» в г. Тутцинге под Мюнхеном. Как позже признавались устроители, они не считали возможным, чтобы представители Русской Зарубежной Церкви в сложившейся ситуации позволили себе участвовать в их мероприятии. Тем не менее Германскую епархию пригласили. А в Германской епархии решили идти путем проявления своих позиций, избегая самоизоляции.

После заседаний пленума, в котором участвовали также и представители Евангелической Церкви и государственных структур разных уровней, вечером и в удаленном от случайной публики уголке, высоко — под самой крышей — собрались почти все русские участники симпозиума. Каждый из них в предыдущие годы уже встречался, по крайней мере, с несколькими другими. В частности, пути архиереев, носящих теперь один и тот же титул «Берлинского и Германского», лет за 16 до этого уже пересекались, а именно в библиотеке Богословского института при университете в г. Эрлангене, где владыка Марк до монашества преподавал. В 1976 г., когда отец Марк был возведен в сан архимандрита, его собеседником стал русский иеромонах-аспирант Феофан (Галинский). Знали друг друга, прямо или косвенно, и остальные участники собрания. Поэтому разговор был общим и откровенным. Совместно решили: надо позаботиться о дальнейших встречах для обсуждения современной ситуации и лучшего взаимопонимания.

Стремление к такому диалогу соответствовало мыслям, высказанным всего лишь неделей ранее в Послании Архиерейского Собора РПЦЗ 1993 г.: «Мы видим в наши дни, в какой мере политические страсти способны разделить русский народ. Эмиграция испытывала это в первые десятилетия своего существования за пределами родины. <...> Мы сознаем, что надо положить новое начало и ради этого искать новые пути. При этом никто из нас не смеет стать в позу судьи. Мы должны ознакомиться с извилистыми путями церковной жизни при небывалых условиях XX века, учиться на ошибках и падениях, как отдельных лиц, так и целых групп. <...> В наше время, когда в Россию нахлынули всевозможные отрицательные явления с Запада — от нравственного разврата до духовного в виде сектантских лжеучений — надо слить воедино разный опыт всех частей Русской Православной Церкви. В откровенном обсуждении мы должны подготовить почву для свободного подлинного и плодотворного Всероссийского Собора. Наша задача не может заключаться в осуждении ближнего, а в поиске путей к обновлению Единой видимой Русской Православной Церкви»¹⁸.

В Германии существует большое количество разных учреждений для проведения семинаров и групповых встреч. Среди них — центры общественной деятельности Католической и Евангелической Церквей. В одном из таких учреждений, а именно в «Цинцендорфхаус» (Zinzendorfhaus) в г. Нойдитендорфе (Neudietendorf), ныне разросшемся до «Евангелической академии», 20–22.12.1993 г. состоялась *первая встреча* представителей двух епархий во главе с их архиереями. Место было выбрано между Берлином и Мюнхеном на территории Восточной Германии — благо железный занавес пал, что тоже радовало и воспринималось символично. Восточногерманская обстановка была скромной, и это создавало уют. Встреча длилась, как и все остальные, два полных дня, причем совместно проводимые вечера и частные беседы за полночь были не менее важными, чем рабочие дни.

¹⁷ Боголюбивой пастве Германской Епархии // ВГЕ. 1993. № 1. С. 8–9.

¹⁸ ВГЕ. 1993. № 3. С. 2. Собор заседал в Лесненском монастыре под Парижем 4–17 мая 1993 г.

Насколько это первое мероприятие такого рода было неформальным, видно из того, что не велось никакого протокола, не сохранилось и списка участников¹⁹. Точную тематику опрошенные участники теперь воспроизвести уже не могут. Очевидно, что на первом месте стояло знакомство и общение по всем вопросам. В основном же, насколько помнится, речь шла о церковной практике, в частности о совершении таинств. Это и стало основной темой второго собеседования. Документы, которые удалось добыть, говорят лишь о том, что расходы были поделены между обеими епархиями²⁰. В завершение этой встречи и года 1993-го было вполне ясно: собеседования должны продолжаться.

Трудности диалога можно охарактеризовать двумя штрихами: по вопросу храма в Дрездене все эти годы шли суды. Там по окончании собеседований была даже подана «экспертиза», в которой Русская Зарубежная Церковь отнеслась к категории «не имеющих права называть себя далее православными и считать себя Церковью»²¹. Участник же первого собеседования со стороны Московского Патриархата — протоиерей Феодор Повный, настоятель храма-памятника в Лейпциге, — на следующие собеседования не приглашался. Его вызвали в Патриархию по вопросу того, что он якобы ведет переговоры с целью передать восточно-германские русские храмы в руки Зарубежной Церкви. В среде Русской Зарубежной Церкви имелся подобно резкий подход. Но при всем этом, стремление к диалогу постоянно существовало с обеих сторон.

Переход от диалога неофициального к официальному (1994–1995)

На свои первые собеседования, проводимые вместе с клириками, архиереи двух частей Русской Церкви в Германии поначалу не испросили благословения вышестоящих инстанций. Архиепископ Феофан (Галинский), вспоминая в 2007 г. о тех днях, отметил это применительно к первому собеседованию. Зарубежная сторона, как будет показано ниже, заручилась поддержкой Архиерейского Собора лишь к четвертому собеседованию. На фоне всего вышесказанного это уже не должно удивлять. Было неизвестно, могут ли развиваться собеседования и к чему они приведут. Кроме того, тогда легко представить, какие трудности могли возникнуть, если бы о собеседованиях стало известно преждевременно. Все же этот формальный недостаток, обусловленный ситуацией, не должен вызывать сомнений в легитимности самих мероприятий. Согласно каноническому праву, архиерей в своих действиях в отношении к своей епархии и на ее территории вполне независим. Кроме того, и на это обращалось изначально внимание, речь шла не о переговорах, а исключительно о собеседованиях.

Суть девяти встреч 1993–1997 гг. сводилась к тому, чтобы нащупать «общую платформу церковного мышления»²². В самом наименовании протоколов уже отображалась определенная церковная позиция взаимного приятия: «Проект протокола второго собеседования между представителями Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей и Германской епархии Московского Патриархата» по принятии носит иное название: «Протокол второго собеседования священнослужителей Русской Православной Церкви (Московского Патриархата и Зарубежной Церкви) на территории Германской епархии». Иначе говоря, Русская Церковь здесь воспринимается как единая, и территория Германской епархии по существу одна. По всем вопросам изначально имелось множество неясностей, недоразумений, недопониманий, неверных истолкований и, наконец, предрассудков. По жизненной ситуации, даже при самом искреннем интересе и максимальной информированности, существовали (остаются и теперь) глубочайшие коренные различия, определяющие восприятие многих вопросов. Надо было научиться все это понимать, а для этого рассмотреть и оценить эти многочисленные различия, определиться в открывшихся новых измерениях. А надежда состояла в том, что по ходу дела будут очищаться «авгиевы конюшни» советского периода разрозненности и, вместе с этим, новые нападения того же зловредного духа, что удастся разглядеть основы для коренного устранения нецерковных элементов во взаимоотношениях, что — в дальнейшей перспективе — придет конец сперва хотя бы злостной полемике, но потом и самому разделению.

К историческому фону относится то, что в 1992–1993 гг. целенаправленно и даже провокационно смешивали церковную позицию РПЦЗ с разными политическими устремлениями как национально-патриотическими («Память»), так и монархическими, и даже, в перспективе борьбы с Московской Патриархией, либерально-демократическими. Явление своеобразное, причем в той или иной форме оно и сейчас остается

¹⁹ На основании проведенного опроса удалось установить, что участниками собрания были: от РПЦЗ — архиепископ Марк, протоиерей Дмитрий Игнатьев, иерей Николай Артемов, иерей Илья Лимбергер, от МП — епископ Феофан, протоиерей Михаил Диваков, протоиерей Феодор Повный, протоиерей Владимир Башкиров.

²⁰ Факс архиеп. Марка в управление Циендорфхаус от 23.12.1993. Все в дальнейшем цитируемые документы по делам собеседований находятся (упорядоченные по датам) в Архиве Германской епархии (=АГЕ). Ф. НА. Д. 6 Б. 1991–2000: Собеседования в Германии..

²¹ АГЕ. Д. Dresden 2. 12.1999–12.2001 — Telefax an das Landgericht Dresden vom 27.01.1999. S. 19

²² См. выше ответ Синода РПЦЗ на «Воззвание» Архиерейского Собора МП 1990 г.

для Русской Церкви болезненной внутренней проблемой. На тему патриотизма и политики тогда приходилось делать особые заявления²³. В частности, Архиерейскому Собору РПЦЗ (4–17 мая 1993 г.) потребовалось повторное «четкое отмежевание от любой попытки связывать Церковь с какой бы то ни было политической или общественной организацией, подчеркивая, что Церковь должна стоять выше всех человеческих страстей»²⁴. К тому времени внутри Русской Зарубежной Церкви назрели противоречия, которые означали суровую борьбу с некоторыми лицами, присоединившимися к РПЦЗ в России. Сказывались установки и поведение ряда личностей и групп в России. При их попытках воздействия на РПЦЗ или даже использования ее в своих целях выявились глубокие различия в воззрениях на церковную и общественную жизнь как таковую, и лишь в частности на Московскую Патриархию. Последовало расслоение позиций и влияний в самой Русской Зарубежной Церкви, включая ее российские структуры.

Постепенно как по отношению к Московской Патриархии, так и в обратном направлении из ее среды стали все назойливее употребляться такие боевые лозунги, как «раскол», «безблагодатность» и т. п. Накал противостояния возрастал не только в России, но и в зарубежье, где постепенно ширилось присутствие Московской Патриархии.

При всем своем нескрываемо критическом отношении к управленческим структурам Московской Патриархии, Германская епархия РПЦЗ твердо держалась экклезиологии новосвященномученика митрополита Кирилла (Смирнова). Поэтому такое развитие было для нее совершенно неприемлемым. Церковь оставалась для нее *единой*. Резко отрицая проявления монопольных претензий с какой бы то ни было стороны, в Германской епархии утверждали правомочность пути Русской Зарубежной Церкви, но из этого выводили необходимость сближения всех церковных течений. Для этого требовалось выращивать церковное начало, а следовательно, исключать все, что навязано или навязывается Церкви извне.

Ради обретения общей церковной основы участники собеседований решили в самом начале их обратиться к церковным таинствам и требам, а не к остро воспринимаемым церковно-историческим или связанным с ними церковно-политическим темам («сергианство», «экуменизм»). Последние затрагивались разве что в частных беседах, что тоже было полезно.

Вторая встреча проходила 28.02–02.03. 1994 г. в местечке Зельбиц (опять между Мюнхеном и Берлином, недалеко от бывшей границы раздела Германии, но с западной стороны)²⁵. Протокол свидетельствует о том, что удалось не только детально узнать практику совершения таинств и треб, но и найти общую почву, даже прийти к практическим заключениям. В протоколе отражено обсуждение крещения и соответствующей катехизации, миропомазание и прием в православие, исповедь, елеосвящение, брак, погребение. В заключение обсуждалось положение русского православия в Германии и пастырские задачи — роль немецкого языка в богослужениях. Видно, что тогда в приходах немецкий фактор был гораздо сильнее, чем сегодня. Хотя участники исключают скорую перспективу создания «Немецкой Православной Церкви», однако отмечают: «Для доброй половины язык общения — немецкий. Необходимость более широкого употребления немецкого языка в богослужении, проповеди и душепопечении налицо» (Протокол 2. С. 5).

Обозначилось согласие в пастырском восприятии. Например: «В Германии обеим ветвям Русского Православия следовало бы установить единую практику подготовки к Таинству Крещения и совершения его, чтобы люди не бегали из юрисдикции в юрисдикцию в поисках более легкого пути <...>, так как это ослабляет церковную дисциплину <...>» (Проект протокола 2. С. 2). «Крайне желательно возвращение к практике полного погружения при крещении» (Протокол 2. С. 2). Обсуждалась практика епитимий. Отвергалась «общая исповедь». Отмечено различие в практике: РПЦЗ кремацию отвергает, МП допускает панихиду при урне. «Кремация получает и в Германии все большее распространение. Необходима согласованность по этому важному вопросу. Следует обратиться к властям с изъяснением православного воззрения на кремацию, как практики, не соответствующей православному погребальному обряду» (Проект протокола. С. 4–5). В протоколе к словам о желательности общего заявления, содержащего православный взгляд на кремацию, добавлено: «То, что в России была навязана иная практика — не аргумент против такого заявления, отображающего подлинно православную точку зрения (оно обратным порядком могло бы воздействовать и на российскую точку зрения)» (Протокол 2. С. 5). Вопрос «смешанных браков» в компетенции архиерея, который проводит предварительную беседу (Протокол 2. С. 3).

²³ Об Отечестве и о Церкви // ВГЕ. 1992. № 5. С. 8–12; Заявление митрополита Виталия, Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей // ВГЕ. 1992. № 6. С. 12.

²⁴ ВГЕ. 1993. № 3. С. 19.

²⁵ Участники — от РПЦЗ: Марк, архиепископ Берлинский и Германский; протоиерей Дмитрий Игнатьев (Франкфурт), иерей Николай Артемов (Мюнхен), иерей Илья Лимбергер (Штутгарт); от Московского Патриархата: Феофан, епископ Берлинский и Германский, протоиерей Михаил Диваков (Берлин), протоиерей Георгий Антонюк (Берлин), протоиерей Владимир Башкиров (Берлин-Тегель). Последний составил проект протокола (старая орфография).

Заключение в Протоколе: «Цели на сегодняшний день в Германии: 1) сообщить нарождающемуся немецкому Православию укорененность в подлинно-православной традиции и жизненность, иначе неорганичные пути создания немецкого Православия приведут к нежелательным результатам (личной и групповой экзотике). 2) Согласованность в нашей пастырской практике с тем, чтобы прийти к единообразию нашей миссии в Германии. В частности был поставлен вопрос организации общего православного действия в Германии. Обсуждалась будущая деятельность “Православной Комиссии”» (Протокол 2. С. 5).

Внесенные в проект поправки и дополнения окончательно преобразовали протокол, принятый по обсуждению на следующем собеседовании, в деловую запись с целевыми рекомендациями. Рукописные записи показывают, что множество обсужденных вопросов не было, ради краткости, отображено в протоколе. В детальном прохождении по всем пунктам практики и обоснований этой практики заключалась основная польза общения: выявилось единство в пастырском устремлении.

Успех первых двух собеседований позволил предусмотреть не только доклад архиепископа Марка «Каноническое право. Общие принципы применимости канонов и выводы отсюда для нашей практики», но и такую тему: «Экклезиология. Границы Церкви, подход к экуменизму».

На следующем, *третьем заседании* 22–24.06.1994 г. в городке Нойдитендорф²⁶ архиепископ Марк говорил о канолах как «инструменте введения в жизнь церковной Правды». Всесторонне была рассмотрена принципиальная и практическая сторона вопроса. В ходе обсуждения была поставлена тема разделений внутри Русской Церкви XX в. и возможность составления списка препятствий к единению. Но на этом фоне было уяснено, что «в исторической и политической церковной перспективе канонические, экклезиологические, догматические и пастырские аспекты переплетены» таким образом, что «на поверку может оказаться, что строго говоря канонических расхождений — нет» (Протокол 3. С. 4).

Обсуждались переходы священнослужителей, признание прещений, принятие из ересей и схизм. Дважды возникал вопрос о «канонической корректности», например при переходе клириков и иных проблемах: «14. *Консультация по каноническим вопросам*. Было принято решение о необходимости консультации по каноническим вопросам и оказании взаимного содействия при решении недоуменных вопросов» (Протокол 3. С. 12). Действительно, это стало постоянной практикой.

Обсуждался как феномен модернизма в Православных Поместных Церквях, так и «старый стиль», а в связи с этим и проблема «обновленчества». Русская Зарубежная Церковь в этот период имела каноническое общение со старостильными румынами, болгарами и греками (Киприановского Синода), что давало возможность интенсивного обмена информацией и выяснения на более широкой основе понятия «раскол». Последовали уточнения касательно временных решений в критические периоды церковной жизни (отход от активной церковной жизни, прекращение поминовения, отказ от евхаристического общения до Собора). Было выявлено, что понятия «каноничность» и «благодатность» не равнозначны. Обсуждалась перспектива Собора и Предсоборного Собрания, условия при которых к таковым можно прийти. По ходу встречи происходил широкий обмен информацией о церковной современности — внутрироссийской, зарубежной и международной.

В связи с «аномалиями, порожденными советским периодом» (Протокол 3. С. 10) шла речь о 30-м Апостольском правиле и вообще об отношениях между Церковью и государством. Восприятие этого вопроса в Московской Патриархии и в Зарубежной Церкви, естественно, было различным. По этому поводу довольно обширно обсуждались методы действий и структура «Совета по делам религий». В начале 1992 г. в России появились основанные на архивных данных публикации о сотрудничестве церковных деятелей с органами госбезопасности. В этой связи Московская Патриархия образовала Комиссию. Поэтому на собеседованиях рассматривались общие параметры подобной работы и был привнесен новейший германский опыт, который ясно показывал, какая осторожность необходима в этом вопросе. Данная часть дискуссии в протоколе завершается словами: «Осмысление прошлого — залог здорового развития в будущем, и прошлое должно рассматриваться именно в этой перспективе. Собор 787 г. может служить примером примирительного отношения при ясном обозначении неправды. Выяснение церковной правды руководствуется пользой всех, в том числе и участвовавших в нарушении. Участники (собеседования. — *прот. Н. А.*) были согласны в том, что данная тема будет и в дальнейшем присутствовать в церковной жизни до окончательного разрешения ее на будущем Соборе, т. к. без разрешения этих принципиальных вопросов не состоится полноценного церковного общения. Те, кто встанут рядом у престола перед лицом Божиим, должны знать, что они делают это с умиротворенной совестью. Было отмечено, что откровенное обсуждение поможет работе над этой темой в будущем» (Протокол 3. С. 11).

²⁶ Вместо протоиерея Д. Игнатьева участвовал диакон Андрей Сикоев; вместо протоиерея В. Башкирова — иерей Анатолий Родионов.

Все согласились, что тема «экуменизма» требует основательного исследования. Высказаны были лишь некоторые основные положения и уточнена постановка цели с утверждением темы следующей встречи: «Экклезиология и экуменизм (отношение к другим Церквам и христианским обществам)» (Протокол 3. С. 12).

Впервые был поставлен вопрос обнародования собеседований в будущем и был сформулирован ряд пунктов, которые следовало бы высказать в таком документе. Один из них гласит: «Собеседования диктовались пастырской необходимостью и стремлением к укреплению Православия. Мы руководствуемся заботой о людях, которые не понимают юридическую сторону нашего разделения. Памятуем, что цель — восстановление единства Русской Православной Церкви» (Протокол 3. С. 12).

Следующая, *четвертая встреча* была намечена на 21–23.09.1994 г. в местечке Зельбиц, но, очевидно, ввиду происшедших в ноябре и декабре Архиерейских Соборов обеих сторон²⁷, была отложена на 20–22.12.1994 г.²⁸

После редакции и принятия протокола предыдущего собеседования каждый из архиереев сделал сообщение о том Соборе, на котором присутствовал. Это способствовало лучшему пониманию внутренней стороны дела. Хотя участников от Русской Зарубежной Церкви несколько разочаровало торможение в отношении прославления всего сонма Новомучеников Российских и в вопросе «экуменизма» (выход из ВСЦ), были даны некоторые удовлетворительные объяснения этому положению. Также обсуждался вопрос «реабилитаций» Новомучеников и ситуация с «перезахоронением останков Царской Семьи». Вообще о Новомучениках в ходе собеседований постоянно обменивались мнениями и информацией.

Архиепископ Марк по поводу Архиерейского Собора РПЦЗ 1994 г. лаконично сообщил о стремлении «упорядочить дела в России», что идет «постепенное выяснение сложности обстановки» (Протокол 4. С. 2). К возглавителю суздальской группировки Валентину (Русанцову) архиепископ Марк изначально относился крайне критически. Поначалу его отношение смягчалось верностью к старшим архиереям и заботой о целостности РПЦЗ. Но та же забота о целостности Русской Зарубежной Церкви и сохранении ее подлинных устоев определяла его дальнейший путь.

Второй раз Архиерейский Собор РПЦЗ собрался в Лесненском монастыре. Он был важной, хотя и не последней вехой в длительной борьбе против одной из попыток использовать Русскую Зарубежную Церковь (1990–1995 гг.). В этой борьбе, например, при проходившем в Мюнхене расширенном заседании Синода в июне 1992 г., архиепископ Марк как местный архиерей сумел не допустить сослужения и вообще служения в Мюнхене Валентина (Русанцова), числившегося тогда не только епископом Суздальским, но и членом Синода (с 24.10.1991 г.)²⁹. Борьба эта привела к отделению суздальской группы от РПЦЗ. Отошел и архиепископ Лазарь (Журбенко). Но затем с его помощью в Суздале были совершены незаконные епископские хиротонии. Впоследствии, правда, один из рукоположенных — Агафангел (Пашковский) — через покаяние был принят в архиерейском сане. Разрыв же с суздальской группой стал окончательным.

4/17 ноября 1994 г. Епархиальный съезд Германской епархии обратился к этому Архиерейскому Собору за благословением по поводу собеседований, но сделал это осторожно. «Священнослужители и миряне наших приходов, — говорилось в обращении, — собравшиеся на Епархиальное Собрание постоянно и уже много лет непосредственно и ежедневно соприкасаются с людьми из России, сами ездят туда.

Мы видим проблемы и боль измученной России. Мы вынуждены отвечать на них, решать эти проблемы или хотя бы обсуждать их с теми, кто встречается нам. Среди этих людей издавна встречаются и священнослужители той части Русской Церкви, которая находится в подчинении Московской Патриархии. Поэтому мы просим Архиерейский Собор о благословении нас с нашим архиереем — архиепископом Марком Берлинским и Германским и Великобританским — откликаться на эти вопросы в том духе, который был выражен в Посланиях Архиерейских Соборов 1992 и 1993 гг. Мы согласны в том, что наш опыт собеседований отвечает непосредственной нужде русского верующего народа, и просим Вашего соборного благословения развить их, систематизировать их результаты и предложить Архиерейскому Синоду и Собору Русской Зарубежной Церкви для дальнейших выводов. Первой целью этих встреч должна быть проповедь и защита предания наших Отцов и подвига свв. Новомучеников и исповедников. Эта духовная задача включает в себя выяснение канонических и догматических вопросов и представляется нам как ответственность нашей Зарубежной Церкви в отношении Русской Церкви как единого целого».

В зависимости от обстоятельств архиепископ Марк должен был Собору устно разъяснить это обращение. На четвертом собеседовании он сообщил, что благословение получено и что отзыв его имеется в Послании Собора.

²⁷ РПЦЗ: 22–30.11.1994. МП: 29.11.–04.12.1994.

²⁸ Кроме архиереев участвовали — от РПЦЗ: протоиерей Д. Игнатъев, протоиерей Божидар Патрногич, иерей Н. Артемов; от МП: протоиерей М. Диваков, протоиерей Г. Антонюк, протоиерей Владимир Иванов.

²⁹ Расширенный Архиерейский Синод РПЦЗ заседал в монастыре преп. Иова Почаевского (Мюнхен) 24–27.06. 1992 (ВГЕ. 1992. № 4).

Действительно, Послание Собора в Лесненском монастыре полностью посвящено пройденному пути и отношениям с Московской Патриархией и «собеседования» занимают в нем центральное место. В Послании отмечено получение Собором обращений от самых разных сторон. Согласно «Вестнику Германской епархии», «в них высказаны различные и зачастую совершенно противоположные мнения — причем разные стороны оказались примерно одинаковыми по численности»³⁰. С одной стороны, были требующие скорейшего объединения с «Матерью-Церковью» (отождествление этого понятия с администрацией Московской Патриархии было для Русской Зарубежной Церкви неприемлемым), а с другой — радикально отрицающие возможность сближения и диалога³¹.

На пути Русской Зарубежной Церкви в этот период было немало трепетных, критических моментов и исход собеседований оставался неизвестным до последнего момента. В тот момент было неизвестно и то, как отнесется к собеседованиям Лесненский Собор. Важно, что в конце концов, в Послании Лесненского Собора была подтверждено Послание 1993 г. и та точка зрения, на которой строились собеседования в Германской епархии: Русская Зарубежная Церковь — при сохранении своих принципиальных позиций — должна быть открыта ко всем частям Русской Церкви.

«Полагаем, — говорится в Послании, — что пришло время искать живого общения со всеми частями Единой Русской Православной Церкви, разрозненными в силу исторических обстоятельств. При этом не может быть речи об объединении или подчинении нас Московской Патриархии, но пока лишь об улучшении отношений. В честных собеседованиях, начинаемых без предрассудков и взаимных упреков, мы должны стремиться к пониманию и осуществлению предания наших Отцов и подвига Святых Новомучеников и Исповедников Российских. Со всеми, кому дорога унаследованная нами православная сокровищница, мы готовы выяснить канонические и догматические вопросы, создавшие разрыв между разными частями Русской Церкви как единого целого. Целью таких собеседований не может являться компромисс между истиной и ложью <...> все мы несем ответственность за нешвенный хитон Единой Русской Церкви, и только из этого источника можем черпать силы для несения христианского подвига в современном мире». Далее обличается неправда в понятиях касательно отношений Церкви и государства, а также в экуменической деятельности (как «нечестного общения с инославными»). Наконец сказано: «Но одновременно мы радуемся тому, что в той же Патриархии выявляются здоровые силы. <...> Не громкими заявлениями, а кропотливой и терпеливой, и, может быть, даже долгой, работой мы должны подготовить путь к Всероссийскому Собору, в котором могут участвовать только здоровые силы, обладающие способностью отличать истину от лжи. Тогда лишь, с Божией помощью, он сможет послужить основой для восстановления на Руси истинного Православия, исповедуемого всеми нами едиными устами и единым сердцем»³².

Таким образом собеседования, проводимые в Германии, получили соборную основу с обеих сторон. На Соборе в Москве архиепископа Феофана в частных беседах уже спрашивали, как развивается диалог.

Четвертое собеседование имело ключевой темой вопрос о границах Церкви. Доклад протоиерея Владимира Иванова (МП) был посвящен истории российских воззрений на данный вопрос. Протоиерей Димитрий Игнатъев (РПЦЗ) обратился к «экуменизму», описывая разные позиции православных. Поскольку протоиерей Владимир Иванов лично был на Канберрской Асамблее ВСЦ, он мог поделиться опытом и рассказывал о том, как Московский Патриархат протестовал против неприемлемых проявлений «экуменизма».

Архиепископу Марку, в свою очередь, пришлось объяснять выражение, употребленное в Послании Архиерейского Собора 1994 г.: «...отступление от Православия в виде чрезмерного увлечения экуменизмом» (в протоколе речь о «неразумном увлечении экуменизмом»). Обоюдное недовольство различными формулировками, в то время привычно употреблявшимися, приводило к довольно резким высказываниям и претензиям. «Теорию ветвей», против которой была направлена анафема Русской Зарубежной Церкви 1983 г., однако, не исповедывал никто. Германская епархия в составе РПЦЗ всегда имела трезво-практический подход к инославным. Это сказалось в дискуссии, которая если и была в отдельные моменты резкой, то скорее из-за личных темпераментов. Протоиерей Д. Игнатъев подчеркивал: «Если бы я считал, что Московская Патриархия идет в ересь, то я не желал бы объединения. Но я желаю его, и поэтому скорблю о некоторых высказываниях, неудачных выражениях...». По существу речь шла о границах практики общения с инославными и о небезопасной двойственности экуменической терминологии. Был признан «феномен двоемыслия в экуменических документах». Но в итоге участники согласились, что они «еще только подошли к теме»: «Столкнувшись с большим различием воззрений и оценок, они, однако, не сочли возможным сделать окончательный вывод о непреодолимости противоположных позиций» (Протокол 4. С. 6). В сегодняшней перс-

³⁰ ВГЕ. 1994. № 6. С. 3.

³¹ Отделившиеся архиереи Лазарь и Валентин, естественно, не были допущены на Собор, но имели беседу с заместителем секретаря Архиерейского Синода, Манхэттенским епископом Иларионом (Капралом), при которой они, среди прочего, «проявили беспокойство о якобы предстоящих переговорах РПЦЗ с деятелями Московского Патриархата» (Суздальский Паломник. 1995. № 22. С. 9).

³² ВГЕ. 1994. № 6. С. 4–5.

пективе ясно, что на собеседованиях выявлялась необходимость того подхода, который развиваясь с годами, в конце концов возобладал. Этот здоровый подход был выражен в документе об отношении к инославным Архиерейского Собора 2000 г., а затем и в документе встречных Комиссий, готовивших «Акт о каноническом общении».

Все описываемые встречи от первого до последнего дня именовались «собеседованиями», а не «переговорами». Всем участникам было ясно, что собеседования происходят на епархиальном уровне. Мандата от вышестоящих инстанций не было, и официальным этот диалог не стал. Он даже остался в значительной степени незамеченным. Если в Московской Патриархии за ним, наверное, наблюдали, то в Зарубежной Церкви, видимо, были даже архиереи, которые, несмотря на соборное Послание, не придали этому вопросу особого значения. Тревожить их и тем более широкую общественность не было причин. Да и слишком чувствительной была тематика, о которой вскоре пошел разговор.

«Экуменизм» и «сергианство» (1995–1997)

В Зельбице 19–21.06. 1995 г. проходила *пятая встреча*³³. После редакции и принятия протокола была продолжена тема «экуменизма». Обсуждались различия подходов к нему в теории и практике двух частей Русской Церкви. В результате, по предложению епископа Феофана, был составлен запрос к Московской стороне по поводу смущающих сторон экуменической деятельности представителей Московской Патриархии, в особенности на Западе. Ответ был представлен на следующем, шестом собеседовании.

Протоиерей В. Иванов прочел доклад о русском богословском наследии «Развитие богословской мысли конца XIX и начала XX века». Обсуждалась тема «софиологии». Обмен мнениями ограничился согласным выяснением ряда исторических фактов по теме доклада без каких-либо противостояний и было лишь отмечено, что вопрос творчества таких авторов, как Н. Бердяев, священник П. Флоренский, протоиерей С. Булгаков и др., «способствует нагреванию страстей между “либералами” и “традиционалистами”» (Протокол 5. С. 4).

К новой, исторической тематике перешли на основе статьи священника Владислава Цыпина «К вопросу о границах Церкви»³⁴, говорили и о статье митрополита Сергия (Страгородского) «Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее обществам»³⁵. Для всех участников собеседований оказался неприемлемым тезис об «одной монолитной Евхаристии», как его развивал митрополит Сергий. Затем речь шла об исторических перспективах Русской Церкви в XX в., о методологии и тематике следующих встреч. Определен был круг вопросов — время и деятельность святого Патриарха Тихона, путь к «Декларации лояльности» 1927 г., церковное устройство в связи с Указом № 362 от 7/20 ноября 1920 г., отношение к церковному зарубежью, пути митрополитов Петра (Полянского) и Сергия (Страгородского), вопрос местоблюстительских прав. За этим стоял общий, тревожащий вопрос «о монопольном подходе к Русской Церкви», который присутствовал в обеих частях ее в разных вариантах. По вопросу об отношениях Церкви к гражданской власти было предложено рассмотреть ближайшим образом ссылки на Священное Писание, а также мысли апологетов и святых Отцов Церкви. Участники были согласны в том, что следует «стремиться к максимально профессиональному уровню и открыть путь к расширению круга участников, привлекая компетентных лиц» (Протокол 5. С. 5–6). Кроме того, епископ Феофан обратил общее внимание «на необходимость обдумать возможные формы единения разных частей Русской Церкви» (Протокол 5. С. 3). В среде же участников из Зарубежной Церкви возник вопрос, когда и как можно было бы перенести эти собеседования в Россию и на более официальный уровень.

На *шестом собеседовании*³⁶ 20–22.12. 1995 г. в местечке Найла (Naila), вблизи от бывшей восточногерманской границы, был прочитан полученный из Москвы «Меморандум по вопросам, связанным с нашим участием в экуменической деятельности» с четырьмя приложениями. Представители Зарубежной Церкви были разочарованы уклончивостью документов в ряде вопросов. Один из ответов, однако, был оценен настолько положительно, что предлагалось его опубликовать. В ответе ясно говорилось о недопустимости некоторых случаев обращения с инославными в либерально-экуменическом духе. Другой ответ, где была речь о признании таинств у католиков, вызвал критику, равно как и защита выражения «церкви-сестры». Было отмечено, что в целом Московский Патриархат строит свои отношения с инославными на положении, соответствующем

³³ Кроме архиереев, участвовали: от РПЦЗ — протоиерей Д. Игнатъев, иерей Н. Артемов, иеродиакон Евфимий (Логвинов) из монастыря преподобного Иова в Мюнхене; от МП — протоиерей М. Диваков, протоиерей В. Иванов, иерей Алексей Томюк (Лейпциг).

³⁴ Богословские труды. Юбилейный сборник: 300 лет МДА. М., 1986. С. 193–225, особенно С. 215–222.

³⁵ ЖМП. 1931. № 1–3.

³⁶ Кроме архиереев, участники: от РПЦЗ — иерей Н. Артемов, иерей И. Лимбергер, диакон А. Сиколев; от МП — протоиерей В. Цыпин, протоиерей Г. Антонюк, иерей А. Томюк.

щем XIX в. После обширной и плодотворной дискуссии было записано: «Достигли согласия в том, что наследие Русской Церкви нуждается в корректировке согласно сегодняшней ситуации <...> следует вырабатывать норму на будущее из опыта в сторону устроения подхода, но без излишних крайностей. Совместные молитвенные действия следует избегать. Было внесено предложение создать нормативный документ, обозначающий границу, т. е. чего допускать не следует» (Протокол 6. С. 3). Как уже было отмечено выше, Архиерейский Собор Московского Патриархата в 2000 г. определил норму, которая оказалась приемлемой для РПЦЗ.

Если в обсуждении стороны опять коснулись использования слова «раскол», то теперь в связи с параллельными приходами в России под омофором Зарубежной Церкви. Заодно развивалась тема «иностранных миссионеров» и перспектив борьбы с ними на фоне имеющейся экуменической практики, вопрос униатства, политики Католической Церкви и Константинопольского Патриархата.

Затем стороны обратились к истории Русской Церкви и к вопросу об отношениях Церкви и государства. Эта тематика вместе с вопросом о прославлении Новомучеников Российских занимала с того момента основное место в рассуждениях при поиске общих церковных подходов. Но сперва выявлялись различия. Прибывшим из Москвы протоиереем Владиславом Цыпиным был прочитан доклад «Святой Патриарх Тихон и его преемники». Священник Николай Артемов на тему о переломе в деятельности Святейшего Патриарха Тихона сделал ответное сообщение. Дальнейшее обсуждение занимает в протоколе целых пять страниц, прежде чем перешли на рассмотрение писем Местоблюстителя, митрополита Петра (Полянского) и отсюда реакции Церкви на «Декларацию лояльности», в том числе «Окружное Послание Архиерейского Собора РПЦЗ 1927 года». Различие в восприятии «Декларации» в двух частях Русской Церкви составляло другую часть дискуссии, завершившуюся разбором судеб эмиграции, с особой темой Второй мировой войны и ее последствий — сложного феномена «советского патриотизма», прописанного уже в «Декларации». Объемное обсуждение завершилось итогом, что «сейчас нет нужды далее оправдывать вынужденные шаги как единственный путь, спасающий Церковь. Тревожит неясность значения, каковую имеет Декларация в сегодняшней Русской Церкви <...> следует глубже уяснить себе, что такое советская власть как духовный феномен. <...> нельзя рассматривать Декларацию и пр. как руководство к действию. Ключ к нашей истории — выяснение принципиального вопроса: каково святоотеческое отношение к мирской власти» (Протокол 6. С. 18).

На тему «Церковь и светская власть» читал доклад священник Николай Артемов на *седьмом собеседовании*, проходившем 15–17.05. 1996 г. в Найла при почти том же составе участников³⁷. Кроме того, участникам собеседования была роздана брошюра архимандрита Иустина (Поповича) «Церковь и власть», а также публиковавшиеся в разное время статьи из «Вестника Германской Епархии» об отношении мучеников, апологетов и Святых Отцов к мирской власти³⁸. Протоиерей Владислав Цыпин, в свою очередь, прочел доклад «Церковь и власть — пути компромисса». Из обоих выступлений участники старались создать для себя целостную картину.

Седьмая встреча была в основном продолжением и углублением предыдущей. Протоиерей Димитрий Игнатьев представил доклад «Об экуменизме». В ходе обсуждения прояснилось, что ситуация стала меняться. «Архиеп[ископ]. Феофан предложил Владыке Марку приехать в Россию на Собор и изложить перед всеми свою озабоченность». Далее он сказал: «Если Богословская Комиссия даст нам свои документы, то станет ясным, что в вопросе экуменизма — мы единомысленны. Она же и предложила выйти из ВСЦ» (Протокол 7. С. 8). Данное предложение, как оказалось, было потом смягчено, но информация о нем наглядно показала, что каждая сторона в опасности — смотря лишь извне — неверно толковать происходящее внутри другой части Русской Церкви. Это выяснение послужило важным уроком. Таким же уроком, только с другой стороны, было острое восприятие представителей Московского Патриархата одной публикации в «Вестнике Германской Епархии» (№ 2 за 1996 г.). Речь шла о «круглом столе», на котором откровенно обсуждались отношения Русской Зарубежной Церкви и Московского Патриархата и говорилось о собеседованиях в Германии. «Круглый стол» проходил в рамках «Православного съезда» в Мюнхене в конце декабря 1995 г. В нем участвовал епископ Будимский (Сербская Православная Церковь) Даниил (Крстич). Целью этого обсуждения было шире осветить и укоренить в сознании паствы Русской Зарубежной Церкви факт собеседований, а также внутрицерковно (для самой РПЦЗ) продвинуть осознание их необходимости, равно как и показать принципиальные позиции представителей РПЦЗ. Причина чувствительной реакции другой стороны диалога заключалась в том, что некоторые высказывания, нацеленные на слушателей одной среды, вызывали совсем иную реакцию и иное понимание в среде другой. Теперь в диалоге, по выяснении контекста, обостренные чувства были умиротворены. Такие моменты проявлялись в течение собеседований вновь и вновь, и это, несомненно, составляло положительный опыт. Во всех вопросах удавалось, с одной стороны, уточнять смысл

³⁷ Протоиерей Д. Игнатьев заменил иерея И. Лимбергера.

³⁸ Среди них: «О Церкви и власти — по свят. Иоанну Златоусту»// ВГЕ. 1993. № 1. С. 12–14.

и контекст высказываний, а с другой — усмотреть широту спектра мнений, свойственную всякой большой Церкви.

Глубочайшее впечатление произвело покаянное обращение Патриарха Алексия II к немцам о том, что у них — в силу прихода советской власти — один тоталитаризм сменился другим. Реакция на это непредвиденное высказывание с русской стороны как официальных инстанций, так и СМИ, тоже заставляла задуматься. Пусть и при такой негативной реакции извне, слово Святейшего было проявлением определенной независимости Церкви, которой, с точки зрения Русской Зарубежной Церкви, часто не доставало. Именно на этом собеседовании касались проблематичного отношения РПЦЗ к выборам Патриархов в Советской России, и в целом законности высшей церковной власти. Естественно, вопрос не решался, но намечались контуры его положительного решения (Протокол 7. С. 5).

Обсуждалась история и современная ситуация «катакомбной Церкви», историческая связь РПЦЗ с ней. Но тему катакомб и параллельных приходов решили отложить. Для продолжения исторической тематики была избрана переписка митрополита Сергия (Страгородского) с митрополитом Кириллом (Смирновым) и отношений Московской Патриархии с Зарубежной Церковью 1920–1934 гг.

Следует отметить, что именно на седьмом собеседовании решили составить общий документ, чтобы лучше понять суть своих позиций в работе над ним. Документ «не для публикации» занимает неполные две страницы и посвящен отношению к гонениям, Новомученикам и «Декларации», к словам Священного Писания (Рим. 13. 1–5): «несть власть, аще не от Бога» и т. д. Было установлено различие власти «благословенной» от «попущенной» за грехи. В документе просвечивает обнадеживающая общность позиций: «Мы дерзаем утверждать, что есть основа для дальнейшего созидания церковного Тела сообща. Внешние формы такого созидания определить следует уже соборно, тем более, что апостольское преемство рукоположений и действительность таинств не под вопросом. В настоящее время не видится неустранимых преград для восстановления полного канонического и евхаристического общения между нами. Этот шаг, однако, должен быть канонически правомерным и в нравственном отношении достойным. При этом никто не призван усваивать себе положение судьбы. Не должна идти речь о “покаянии Церкви”, но о нашем покаянии перед Христовой Церковью. И покаяние — не просто чувство, но содержит новое начало: отвержение лжи и принятие от Бога дара Истины»³⁹.

В этом общем документе было сказано: «Обсуждаемые и пререкаемые заявления отошли в прошлое, они не связывают нас ни сегодня, ни в будущем. Оценка этих документов, равно как оценка деятельности иерархов XX века — дело историков Церкви» (С. 1). Однако на восьмом собеседовании была продолжена работа над историческими документами. Тот же подход был осуществлен позже, но на профессиональном уровне, двумя конференциями по истории Русской Церкви, проводимым в Сэнтендре (Венгрия) и Москве в 2001–2002 гг. соответственно резолюции Архиерейского Собора РПЦЗ октября 2000 г., т. е. когда «лед тронулся». Эти конференции в значительной степени выросли из духа собеседований в Германии и проделанной здесь конкретной работы.

Восьмое собеседование имело место в Берлине 15–16.10. 1996 г. сперва в квартире при домовом храме РПЦЗ на Кульмбахерштрассе (Kulmbacherstr. 6, Berlin-Wilmersdorf), а на следующий день в церковном доме Московского Патриархата в Карлсхорсте, в Восточном Берлине⁴⁰.

Невозможно передать ширину и глубину дискуссии, возникшей в связи с перепиской двух ярких личностей русской церковной истории — митрополитов Кирилла и Сергия. На первом этапе дискуссий стало возможным подвести такой итог: «Было согласие в том, что требуется уяснить себе дальше как соотносятся друг к другу два уровня соборности — административный и духовный.

Было обозначено, что цель собеседований в том, чтобы выяснить, какими путями мы пришли к сегодняшнему состоянию и как сегодня должны или можем реагировать.

«По мнению *архиеп[ископа] Феофана*, было выяснено в достаточной мере, почему верующие, находящиеся на Западе, не могли принять этих путей, да и в России они многим были и всегда оставались неприемлемыми. Но остается неясным вопрос, в чем именно заключалось извращение, что такое эта пресловутая “ложь” в Церкви. *Архиеп[ископ] Марк* отвечал, что невозможно сейчас в воскресной школе учить, что необходимо сотрудничать с безбожной властью. И даже если Церковь в истории шла разными путями, то все же недопустимо из этого исторического аспекта делать нравственный императив (как это, по его мнению, делают апологеты митр[ополита] Сергия в нынешнем ЖМП)» (Протокол 8. С. 3).

³⁹ «О собеседованиях двух частей Русской Православной Церкви (Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви) на территории Германской епархии». 17.05.1996 г.

⁴⁰ Состав опять тот же, но со стороны РПЦЗ диакон А. Сикоева заменяет иерей И. Лимбергер, а со стороны МП участвовало 5 человек: присоединился протоиерей Александр Кожа.

Во второй части собеседования читались рефераты протоиереем В. Цыпиным и священником И. Лимбергером. Рассматривалась разница подходов митрополита Сергия (Страгородского) и его критиков — в первую очередь митрополита Кирилла (Смирнова), но также и Соловецких епископов. «Архиепископ Феофан подтвердил, что мы имеем дело с двумя совершенно разными способами мышления: “Митрополит Кирилл мыслит открыто”» (Протокол 8. С. 8).

Все более ясные контуры стала принимать тема восприятия языка и роли слова. Двойственность, обсуждавшаяся ранее по поводу «экуменизма» и порождаемых этой практикой «смущениями» и «соблазнами», рассматривалась теперь в отношении тоталитарных систем: Церковь и власть, нарушение межлического общения в тоталитарных системах.

Глубокая и очень открытая дискуссия показала, как далеко могут расходиться оценки выражений, стилистики, да и вообще слова как такового. Стало ясным, насколько официоз и другие, связанные с этим, выражения, слова и дела, различно воспринимаются даже и внутри того же общества на разных уровнях или в разных ситуациях. Если одни считают какие-то части текстов или стороны поступков достаточно пустыми, незначительными, «шелухой», «отпиской» и т. д., то другие видят в них небезопасный подтекст, третьи же могут (наивно?) принимать их всерьез. Оценить действительные результаты столь многообразной слагаемой (даже и в одном и том же человеке) непросто. Даже если во время собеседования каждая сторона, исходя из своего жизненного и церковного опыта, проявляла общие позиции, то особый интерес теперь заключался в том, что и внутри каждой стороны начали возникать различные точки зрения. Не в последнюю очередь это произошло после того, как архиепископ Марк (заметивший в какой-то момент в разговоре некоторую монополизацию активности) настоятельно выразил желание, «чтобы и другие представители Московской патриархии высказывались» (Протокол 8. С. 5). Таким образом в обсуждении стали раскрываться дополнительные творческие аспекты.

Но в связи с темой «различных оценок слова» следует отметить и присутствие «самоцензуры». Один из российских участников в 2008 г. поделился тем, как он — при всей свободе дискуссий и симпатии к собеседникам — мучительно ощущал свое, приобретенное в «советском прошлом» опасение за каждое слово («как бы не повредить»). За открытостью общения, как оказалось, обе стороны, каждая в своей мере, былиотягчены неснятыми еще барьерами прошлого и необходимостью учитывать современные им реалии...

В первую очередь встречи открывали новые пути видения всецелой Русской Церкви, появилась некая общая точка зрения — обще-внутрицерковная. «Обсуждалось различие восприятия в разных епархиях как Московского Патриархата, так и Зарубежной Церкви» (Протокол 8. С. 12). Было отмечено, что каждая сторона далека от того, чтобы отдельные выражения и мысли приписывать всей другой части Русской Церкви. Воспринимая многообразие мнений и оценок и здесь и там, стороны значительно сблизились — единство Русской Церкви здесь становилось осязательной реальностью. Стало ясным как день, что взаимопризнание — естественно, а исключительный подход (например, изгнание «за ограду Матери-Церкви» не покорившихся центральному управлению) навязан Церкви чуждыми ей обстоятельствами и должен отмереть так же, как радикальная аргументация «или... или».

Архиепископ Феофан мог сказать: «Аргументация вокруг “Декларации” в историческом плане исчерпана, имеется понимание <...> Следует составить список пунктов, которые неприемлемы, и тогда можно сделать следующий качественный шаг» (Протокол 8. С. 6). Позже он посоветовал учитывать, что интерес в РПЦЗ к «Декларации», столь понятный и обусловленный ее историческим путем, может в современной российской реальности быть неверно понят архиерейским составом Московского Патриархата (Протокол 8. С. 11).

Решено было составить два документа: 1) О переписке митрополита Кирилла (Смирнова) и митрополита Сергия (Страгородского); 2) О «Декларации лояльности». Они были впоследствии опубликованы в немецкоязычном журнале Берлинской епархии (МП) «Stimme der Orthodoxie» («Голос Православия»)⁴¹. Из публикации не было ясно, что это два согласованных текста, отсутствовали кавычки и т. д. Это можно объяснить тем, что у первого документа (О переписке...) не было заглавия. Была попытка координации с целью опубликования документов в «Вестнике Германской Епархии» (имеется факс, но неизвестен ответ). В результате эти тексты так и не были опубликованы по-русски.

Объяснение такого воздержания со стороны РПЦЗ, независимо от внешних обстоятельств, может быть чисто психологическим: в отличие от цитированного выше документа «не для публикации» седьмого собеседования (Найла 16–17.05.1996), у некоторых представителей РПЦЗ в данном случае осталось острое чувство неудовлетворенности. Новые два текста по ходу работы над ними выхолащивались. Вследствие недосказанностей они не только не представляли особого интереса с точки зрения РПЦЗ, но могли быть в такой форме даже опасными, могли вызвать в собственной среде возмущение. И хотя формальных возражений к публика-

⁴¹ Stimme der Orthodoxie. 1996. № 4. С. 19–20.

ции документов не было, отсутствовала потребность таковой, ввиду их недоработанности. Стоя лишь у истоков некоей новой динамики, «выйти на люди» оказалось не столь простым делом, как изначально казалось.

Стоит отметить еще одну деталь, проявившуюся в самом конце собеседования: архиепископ Феофан в связи с дальнейшими темами задал вопрос о «пророческом голосе Церкви» в социальной сфере. Можно предположить здесь отголосок той работы, которая тогда велась в Москве над «Социальной концепцией». В этом документе обретается снятие проблемы «сергианства», и это сильно повлияло на последовавший в 2000 г. сдвиг в отношениях между Московским Патриархатом и Русской Зарубежной Церковью. Возможно, что обсуждения при собеседованиях в Германии, а может быть, и подготовленные здесь тексты воздействовали на размышления в Москве. Но если бы это было не так, то тем более в этом можно усмотреть согласное церковное развитие обеих сторон навстречу друг другу. При такой положительной перспективе возникает, однако, другой вопрос: почему же тогда не была возможной общая работа? Она могла бы годами раньше привести к воссоединению и совместному празднованию прославления святых Новомучеников! На это приходится ответить: тогда еще не созрело время — причем с обеих сторон.

Кризис 1997 г. и определение пути

Над всей этой инициативой уже сгушались суровые «грозовые тучи». Правда, сперва сквозь них еще пробился «лучик света»: в январе 1997 г. при встрече в Дрездене оба архиерея подписали «Соглашение» по вопросу имущества и пользования храмом в Дрездене, вокруг которого шел юридический спор. В «Соглашении» сохранялись права собственника за РПЦЗ и права пользования за приходом Московского Патриархата. По замыслу оно должно было положить конец всем судебным тяжбам (есть надежда на их окончание в 2008 г.!).

Отметим: владыка Марк 12 февраля 1995 г., в год 700-летия обретения иконы Курской-Коренной Богоматери, служил перед чудотворным образом молебен в Берлинском соборе Московского Патриархата — владыка Феофан не присутствовал, берлинский клир Московского Патриархата присутствовал в полном составе, но не сослужил на молебне. По «Соглашению» германский архиерей РПЦЗ мог служить в Дрезденском храме после соответствующего предупреждения и согласования. Это имело место в 1997 г. дважды. Но ввиду обстановки того времени «Соглашение» действовало «со скрипом» лишь около года и затем было вынужденным образом разорвано. Объяснение того, почему «Соглашение» больше не действительно, обретается, как ни странно, именно в том же номере «Вестника Германской Епархии», в котором был опубликован совместный документ — «Заявление» *девятого собеседования*, проходившего в Найла 14–16.12. 1997 г.⁴², в котором выражалось глубокое согласие по основным пунктам церковного диалога. На «Заявлении» четырехлетний плодотворный диалог также вынужденным образом оборвался. «Заявление» вызвало самые разные отклики, а кое-где и бурю возмущения.

К предыстории: 5 июля 1997 г. единственный христианский монастырь в г. Хевроне (на Святой Земле) был захвачен вооруженными силами Палестинской автономии по приказу Яссира Арафата, изъят у Русской Зарубежной Церкви и передан как подарок Московской Патриархии. Акт насилия, при котором присутствовали представители Московской Патриархии, поразил православную русскую диаспору, тесно связанную десятилетиями паломничествами со Святой Землей и ее святынями. Не следует забывать и того, что уже прежде, 50 лет раньше (в 1948 г.) теми же методами, с изгнанием монашествующих отнималось церковное имущество у РПЦЗ в Израиле.

Естественно, эти действия были в России торжествующе озвучены как возвращение имущества в русские руки (на эту кампанию в Русской Зарубежной Церкви разводили руками: «А мы кто?»). Рассказ о связанных с этим до и после происшествиях чаёт своего историка⁴³ — ясно одно: Российское государство на тот момент воздействовало на церковную ситуацию, и не в лучшую сторону, вполне согласно со своими,

⁴² Участники, кроме архиереев: РПЦЗ — прот. Д. Игнатъев, иерей Н. Артемов, иерей И. Лимбергер; МП — прот. М. Диваков, прот. В. Цыпин, прот. Г. Антонюк, прот. Александр Кожа.

⁴³ По случаю посещения Святой Земли Патриархом Алексием II Синод РПЦЗ на запрос о посещении Гефсиманской и Елеонской обителей дал положительный ответ. Однако игумения Елеона, матушка Иулиания (в молодости пережившая изгнание из Горненского монастыря в 1948 г.), не захотела покориться и в последний момент добила согласия на свою позицию у митрополита Виталия (Устинова), поддержанная и епископом Варнавой (Прокофьевым). Принятый с честью в Гефсимании, Патриарх Алексий не был допущен на Елеон вопреки договоренности. Также и у Мамврийского дуба в Хевроне он оказался перед закрытыми воротами. Святейшему пришлось пережить скандальную ситуацию, прежде чем ворота были открыты. В причиненной обиде вина лежала на отдельных лицах, которые позже внесли взыскание со стороны Синода РПЦЗ. Надо отметить, что о посещении Хевронского монастыря не было сделано запроса. В целостном контексте это трудно воспринимать как случайность. Не исключено, что захват Хеврона имел бы место по инициативе Я. Арафата и независимо от произошедшей провокации. Аналогичны его действия при захвате монастыря РПЦЗ в Иерихоне в 2000 г. Но, что касается местных представителей РПЦЗ, — их действия были недопустимы и не соответствовали правилам отношения к паломникам на Святой Земле. То, что Синод РПЦЗ не смог обеспечить последовательное исполнение договоренности,

уже упомянутыми установками по «возвращению имущества». Трудно считать случайностью, что задолго до прибытия Патриарха Алексия хевронские «шестеро монахов уже неделями подвергались террору палестинских воинских частей, снова и снова проводивших на участке монастыря свои тренировки и требовавших, чтобы монахи покинули монастырь»⁴⁴.

Еще ранее, т. е. до отчуждения Хевронского монастыря, под броскими заголовками звучали вновь старые пропагандистские и несправедливые обвинения РПЦЗ в сотрудничестве с нацистами⁴⁵. Хотя по этому вопросу в Германии уже выносились решения в высших инстанциях, политическая решимость вырвать церковное имущество не могла не беспокоить Германскую епархию⁴⁶. Наиболее ярко примитивизм этих нападений был обличен независимой работой историка А. К. Никитина (Москва) на основе длительной архивной работы, завершённой им к 1998 г.⁴⁷ Но от подобного наступления вскоре пришлось обороняться и Западно-европейской Архиепископии в Париже. Ввиду советского стиля все это расценивалось как нападение на самую церковную жизнь зарубежья.

В апреле 1997 г. из ОВЦС (хотя и при положительной оценке собеседований в Германии, названных «переговорами») прозвучали привычные слова: «Мать-Церковь и отколовшаяся от нее церковная группа». Итак, речь шла о «лицах, в течение более 70 лет находящихся в расколе с Церковью», и о том, что «единственным выходом из тупика является для нее (для РПЦЗ. — *прот. Н. А.*) возвращение в лоно Матери Русской Православной Церкви»⁴⁸. В силу их односторонности такие призывы к «официальному диалогу» воспринимались как идеологическое оправдание прошлых и будущих нападений. Меньше всего они соответствовали духу собеседований. Архиепископ Феофан на девятом собеседовании назвал точку зрения «РПЦЗ откололась от истинной Церкви — Московского Патриархата» «школьным взглядом». Правильным, по мнению архиепископа Феофана, является другой взгляд: «Разные обстоятельства церковной жизни. Неправильные понятия и недостаток информации друг о друге. Грехи и ошибки» (Записки к протоколу 9. С. 5).

Со стороны руководства РПЦЗ начало 1997 г. ознаменовалось разжиганием конфликтной ситуации между митрополитом Виталием (Устиновым) и архиепископом Марком (Арндтом). Владыка Марк, еще задолго до монашества написавший свою докторскую диссертацию по Тверскому княжеству, по своим славистским связям был приглашен на 725-летний юбилей благоверного князя Михаила Тверского и был в Твери⁴⁹. По этому случаю в Москве он нанес визит Патриарху Алексию II. Первая краткая встреча с Патриархом состоялась 20 ноября 1995 г. в Мюнхене. О каждой из этих встреч с Патриархом архиепископ Марк вскоре докладывал председателю Архиерейского Синода. Письмо о поездке в Тверь было вместе с резким ответом владыки Виталия распространено и даже опубликовано в прессе⁵⁰. Ответ архиепископа Марка митрополиту Виталию и его «Объяснительная записка» Синоду от 26 января 1997 г. нигде опубликованы не были, но свидетельствуют о его ясном и далеком от односторонности видении церковных проблем в России и в зарубежье⁵¹ — отсюда весь предпринятый им путь. В частности, в «Объяснительной записке» подчеркивалось, что «в Германии уже существовала долгая традиция подобных встреч. С архиереями МП здесь встречались как арх[иепископ]. Филофей, так и арх[иепископ]. (тогда еп[ископ]) Павел», а согласно «протоколу Арх[иерейского] Собора 1996, нашим архиереям было дано право встречаться с архиереями МП». Ничего отрицательного во встрече архиепископа Марка с Патриархом Алексием не видели, по крайней мере, епископ Бостонский Митрофан (Зноско-Боровский, ныне покойный) и епископ Ирийский Даниил (в архиве имеются их письма к митрополиту Виталию); устно архиепископа Марка всегда полностью поддерживал архиепископ Сан-Францисский и Западноамериканский Антоний (Медведев). Несомненно, в свое время будет опубликовано и то, как этот вопрос был закрыт при письменном примирении. Но удар был нанесен, и трещина, о которой многие догадывались, ярко обнаружилась. Старость митрополита Виталия не допускала необходимой для тех лет подвижности, и, конечно, нашлись люди, сумевшие этим воспользоваться. Однако дело не только в митрополите, но и в том, что он не мог не дискредитировать его как партнера в диалоге, на которого можно было бы полагаться. Эти события крайне обострили отношения между Русской Зарубежной Церковью и Московским Патриархатом.

⁴⁴ ВГЕ. 1997. № 4. С. 5. Там же детальное описание этих и последующих событий (С. 4–10).

⁴⁵ Stimme der Orthodoxie Nr. 2. 1997. S. 23–25: «Die lange Hand des Führers. Fragwürdige Regelung russischen orthodoxen Kirchenbesitzes in Deutschland» (Длинная рука фюрера. Сомнительное упорядочивание русского православного церковного имущества в Германии — со ссылкой на газету «Труд»), или в НГ-Религия 26.06.1997 г.: «Русские церкви в Германии. Власти до сего времени не отменили гитлеровский закон» (ответ см.: НГ-Религия 25.09.1997). Ответ на статью в «Франкфуртер рундшау» «Россия требует возвращения конфискованного национал-социалистами имущества православных» (см.: ВГЕ. 1998. № 2. С. 14–15).

⁴⁶ Кому нужен в Германии «новый Хеврон»? // ВГЕ. 1998. № 2. С. 14–15.

⁴⁷ Никитин А. Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933–1945). М., 1998. См. также: ВГЕ. 1998. № 2. С. 14.

⁴⁸ См.: Заместитель Председателя ОВЦС МП, протоиерей Виктор Петлюченко (Газета «Радонеж». 1997. № 6 (50). Апрель).

⁴⁹ ВГЕ. 1996. № 6. С. 12.

⁵⁰ Письмо архиепископа Марка 03.12.1996 г. АГЕ-НА-6 В. Там же: Ответ митрополита Виталия от 12.12.1996 г. (см.: Русская мысль (Париж). 27.02.1997 г.); см.: Радонеж. 1997. № 1 (45), где опубликованы интервью с архиепископами Марком и Феофаном.

⁵¹ АГЕ-НА-6 В. 14.12.1996 г.

рополите Виталии, а именно в тех силах, как в России, так и в зарубежье, которые активно противились диалогу. Только успела эта внутренняя дискуссия заглохнуть, как на Зарубежную Церковь извне обрушились упомянутые выше события в Хевроне.

Авторитет архиепископа Марка в Русской Зарубежной Церкви мог быть подорван. Но Архиерейский Синод немедленно после захвата хевронского монастыря послал владыку Марка на дипломатическую миссию в Святую Землю (9–28.07. 1997), а затем поставил его 30.07 наблюдающим за Духовной миссией и монастырями в Святой Земле (в этом качестве он с тех пор и до сего дня регулярно посещает Св. Землю). Это была, конечно, нелегкая миссия, но в этом выражалось полное доверие Синода к германскому архиерею, который подвел свой итог ситуации, что касается внутрицерковных перспектив для Русской Церкви, в своей статье «Сила Церкви в единении веры и любви». Во введении к ней архиепископ Марк писал: «Московская патриархия в очередной раз показала свое советское происхождение, империалистический дух, то, что ее властные структуры готовы на попрание достоинства Церкви и человека, на обман и насилие, — и, казалось бы, естественно теперь просто закрыть вопрос о наших взаимоотношениях с Московской патриархией. Я отказался от такого простого решения, хотя и ожидаю, что снова натолкнусь на клевету. Как и прежде, я считаю, что мы отвечаем за свой церковный путь перед всем русским православным народом, а не только — или даже меньше всего — перед закосневшими в своих властолюбивых навыках структурами, к сожалению, успешно прикрывающими себя именем Русской Церкви. Поэтому я публикую свои размышления на эту тему в том виде, в котором они были изложены до событий в Святой Земле, позорящих, увы, всю Русскую Церковь»⁵².

Отсутствие анализа и оценки взаимопереплетения церковных и государственных моментов здесь понятны, это было бы непосильно. Требовалось заявить позиции и в своей программной статье, подписанной 11 июня 1997 г., германский архиерей обозначил все те пункты, о которых потом шли споры еще почти целое десятилетие. «Разделение Русской Церкви, которое, на мой взгляд, не следует именовать “расколом”, нельзя считать нормальным» (Протокол 8. С. 26), но и претендовать на наименование «Матери-Церкви» управленческие структуры Московской патриархии не имеют права:

«Упрощения удобны для мирской политики, стремящейся вредоносно вторгаться в церковную жизнь, но они неуместны в вопросах, касающихся Христовой Церкви, в частности путей многострадальной Церкви Русской. Говорящим о “воссоединении с Матерью-Церковью” полезнее было бы не присваивать себе самонадеянно столь высокого наименования, а обратиться с сыновней любовью к той самой Русской Церкви, от которой все мы, более семи десятилетий жившие и ныне живущие в совершенно различных обстоятельствах, так или иначе берем начало. <...> В нынешней обстановке относительной свободы в России нам, архиереям, необходимо поставить вопрос о возможности и даже сроках созыва Собора, следует думать о целях и формах его проведения» (Протокол 8. С. 26).

Не будем здесь рассматривать достаточно освещенные вопросы «экуменизма» и «сергианства», а взглянем на то, как архиепископ Марк писал о Новомучениках:

«Огорчает медлительность при прославлении свв. Новомучеников, и, в частности, свв. благоверных страстотерпцев — Царской Семьи. Споры об этом идут извилистыми путями, для нас странными. <...> Бог дал нам возможность прославить сонм российских Новомучеников, и мы это сделали в 1981 г. Это прославление несомненным и вполне естественным образом уже распространяет свое действие на всю Русскую Церковь — не как односторонний политический диктат, а как действующая любовь. Какими путями и какими темпами другие епархии Русской Церкви вольются в это дело церковной любви — зависит уже от них самих» (Протокол 8. С. 28).

Что касается прославления Новомучеников, то большую роль в сближении сыграло последующее за прославлением Местоблюстителя священномученика Петра (Полянского) решение Московской «Комиссии по канонизации святых» признавать Новомучениками сохранявших верность Местоблюстителю, пусть и состоявших в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому). С одной стороны, этим была снята резкость отграничения, пришедшая из прошлых десятилетий, а с другой — такое расширение круга на признание этих святых было согласным с подтвержденными в «Социальной концепции» правом и даже обязанностью Церкви на сопротивление гражданской власти в определенных обстоятельствах. Так постепенно устранялся зловещий смысл «Декларации лояльности» о непременном послушании государству, который не соответствовал учению Церкви и поэтому вызывал обличения со стороны Русской Зарубежной Церкви⁵³.

Из своего церковного опыта, включающего многие поместные Церкви, владыка Марк напоминал о должной широте восприятия: «Церковь настаивает на чистоте таинств и вероучения, но Церковь — не идео-

⁵² ВГЕ. 1997. № 4. С. 25.

⁵³ В обращении «К русскому народу» Архиерейского Синода РПЦЗ (февраль 2000 г.) апология такой «лояльности», ввиду ссылок на Священное Писание, не соответствующих святоотеческому учению, была названа «лжеучением», которое должно быть осуждено (ЦЖ. № 1–2. С. 12–21).

логия, не партия, а жизнь, и поэтому в Ней всегда имелась — и допускалась широта в отношении различных подходов и взглядов, — до тех пор, пока они преподносятся со смирением человека перед величием Божиим. В Русской Церкви до 1917 г. существовало большое разнообразие в формах церковной жизни, даже в богослужебной практике. Так и поныне обстоит дело в других поместных Церквах. <...> Впрочем, такой подход вовсе не означает отказа от того, чтобы называть грех — грехом, и ложь — ложью».

В той же статье владыка Марк призвал к Всезарубежному Собору, которому следует выяснять «формы единения» и связь «между евхаристическим общением и административным единством»⁵⁴. При этом он отмечал как пример для верного подхода «безупречную экклесиологию» и «образ мышления такого маститого иерарха как священномученик митрополит Казанский Кирилл». Упоминались и Соловецкие епископы-исповедники. За всем этим стояло твердое убеждение, что в отношении Церкви «нужны прежде всего любовь к ней, единение веры и свобода Христова — тогда внешние формы воссоединения обрящутся, будут дарованы нам» (Протокол 8. С. 29).

Это были те линии, по которым проходили все собеседования в Германии, и они ясно отобразились в «Заявлении» последней такой встречи.

«Заявление» от 3/16 декабря 1997 г. обозначило конец отрезка пути, безусловно, творческого. В перспективе целостности Русской Церкви это была всего лишь временная остановка. Все параметры «восстановления канонического общения внутри Поместной Русской Церкви» были здесь уже заданы. Но выяснилось это гораздо позже — после прохождения всего пути. А путь этот оказался трудным. Немало стен еще предстояло сломать, и никто тогда не мог предсказать благополучный исход.

Девятое и последнее собеседование

Записи для протокола *девятого собеседования* существуют лишь в рукописном виде. Обсуждения протокола уже последовали. Даже и составлять протокол показалось бессмысленным. Встреч уже не предвиделось. Сказать кратко, провокация в Хевроне оказалась успешным ходом, тем более, что все было выстроено вокруг визита Патриарха, который на самом деле здесь был не при чем.

Диалог имел место 14–16.12.1997 г., в Найла⁵⁵. «В начале обсудили, что между прошлым и нынешним собеседованием лежит бездна» (Записи протокола 9. С. 1). Архиепископ Феофан отметил, насколько круто изменилась общая атмосфера — как диалог, к которому раньше проявлялся живой, благожелательный интерес, теперь даже ставился в вину, вызывал подозрения чуть ли не в своекорыстности. Высшее священноначалие подходило менее отрицательно, но все же возобладали скепсис.

Ранее в ходе собеседований, когда обсуждения заходили в тупик или поднимались вопросы слишком высокого уровня, не подлежащего компетенции участников, архиереи возвращали беседу в епархиальные рамки. Так бывало неоднократно. При последнем же собеседовании пришлось говорить о всецелом раскладе. Это и раньше, порой, напрашивалось. Если в среде представителей РПЦЗ уже после пятого собеседования обсуждалось, каким образом можно было бы перенести диалог в Россию и расширить объем, повысить уровень, то здесь владыка Феофан подтвердил факт, что беседы переросли с межпархиального уровня на уровень межцерковный. Но вместо такого положительного расширения разбушевалась отрицательность: разные выступления отдельных лиц, в том числе и митрополита Виталия, публикации СМИ и следующая за этим дикая полемика с обеих сторон все больше накаляли атмосферу.

Участники спрашивали себя, откуда идет эта «новая линия», и можно ли подойти иначе ко всему? Вопрос о «виновниках» должен был остаться открытым. Государственные структуры, конечно, делали свое дело, но своеобразно виноваты были обе церковные стороны, хотя бы своими реакциями на те или иные резкие или непродуманные высказывания, в которых проявлялись стереотипы, безусловно, давно устаревшие. Было прочитано Определение Архиерейского Собора Московского Патриархата 18–23.02.1997 г.: «Отметить продолжающуюся напряженность в отношениях с так называемым Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей, вызванную прежде всего его антиканоническими решениями об учреждении в пределах Русской Церкви параллельной юрисдикции. Подтвердить готовность к диалогу с Русской Зарубежной Церковью на любом уровне без предварительных условий»⁵⁶. Слова «так называемый» и заковыченность наименования не выглядели обнадеживающе. Опять пошел разговор о возможности и необходимости устранить понятие «раскол», причем принципиально, а это казалось возможным лишь в перспективе диалога на уровне Синодов: считают ли в Московском Синоде историческое размежевание неким трагическим раз-

⁵⁴ Этот вопрос владыка Марк ранее ставил пастырскому совещанию в Германии.

⁵⁵ Участвовали, кроме двух архиереев: от РПЦЗ — игумен Агапит (Горачек), протоиерей Д. Игнатъев, протоиерей Н. Артемов, иерей И. Лимбергер; от МП — протоиерей В. Иванов, протоиерей Георгий Давыдов (Дрезден), протоиерей Г. Антонюк.

⁵⁶ Об отдельных вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Церкви. П. 30.

делением или же «расколом». Как выяснилось в этой дискуссии, в Синоде Московского Патриархата даже после Хевронских событий говорилось о некоем чине, открывающем путь к сослужению в индивидуальных случаях. Но это было отдельное высказывание одного из членов Синода. В Московском Синоде имелось и достаточно резко отрицательных суждений. Ситуация представлялась так: Патриарх Алексей стремится к объединению, на него нападают, а со стороны митрополита Виталия выступления резко отличаются от линии архиепископа Марка, и Патриарх крайне разочарован. Ясной линии в Русской Зарубежной Церкви в тот момент не было, ни в слове, ни в деле.

Только в ясности государственной линии сомневаться не приходилось: государство РФ всячески доби- валось получения в свою собственность зарубежных храмов (не в собственность Московского Патриархата) и для этого претендовало быть правопреемником царской России. Естественно, государство находило под- держку своим устремлениям внутри Московского Патриархата. Маленькая и далекая РПЦЗ, доселе особым дружелюбием не отличавшаяся, не могла соперничать с государством, столь привычным и ощутимым — это было явно. Однако здесь вопрос несколько осложнялся: зарубежные участники предполагали за этим руку ОВЦС, и в первую очередь его председателя, в то время как архиепископ Феофан утверждал положи- тельную настроенность митрополита Кирилла (Гундяева). Но взаимодействие Церкви и государства при этом не отрицалось. И никакого выхода в сторону чисто церковных решений, на которых настаивала зарубежная сторона, не виделось. Дискуссия шла циклично, то обостряясь, то умиротворяясь.

Атмосфера резкого противостояния имела горькие последствия на уровне приходов в Германии, да и по всему зарубежью: там, где возникали параллельные приходы Московского Патриархата, доброты начали вести грубую пропаганду о РПЦЗ как «раскольниках». А резкие заявления Первоиерарха РПЦЗ против Мос- ковской Патриархии лишь подливали масла в этот огонь. Возник вопрос, нельзя ли дать общее разрешение причащаться в приходах другой юрисдикции? Но остановились на том, что сколь бы это ни было хорошо, решать это надо все же, как выразился архиепископ Феофан, «в индивидуальном порядке; в нынешней ситу- ации с амвона не стал бы (давать такого благословения. — *прот. Н. А.*)». И это подтвердил со своей стороны архиепископ Марк: «Такое заявление сейчас принесло бы больше вреда, чем пользы» (Архиеп. Марк. Записи 9. С. 14). Всем было ясно, что молчавшие доселе недоброжелатели в новой ситуации разжигали полемику, а собеседования на деле не открыли достаточно новых перспектив, оставшись по ту сторону реальной полити- ки; таким образом происходил повсеместный откат в прошлое. Но оставался вопрос: удастся ли этим силам окончательно разорвать уже выросшее сближение? Из сегодняшней перспективы можно сказать, что столь близкое соприкосновение двух частей Церкви — с деятельным участием правящих архиереев — принесло духовный плод. Тогда это не было столь ясно видно.

Если и обдумывали, не удастся ли на фоне общих стремлений устранить противостояние и получить от обоих Синодов некие положительные заявления, в каком ключе следует рассматривать данное разделение, или даже больше — можно ли «поставить вопрос об общении Синодов» (Архиеп. Марк. Записи 9. С. 8), то вскоре в дискуссии стало ясным, что такая попытка вполне может дать совершенно нежелательный, обрат- ный результат.

Но внутри Германии можно было думать о совместном пастырском съезде и всем была очевидна не- обходимость общего «Заявления». Заявление это было составлено и опубликовано на трех языках — рус- ском, немецком и английском. Оно выражало уже неоднократно здесь очерченные позиции. «Это страшное разделение, — говорилось в «Заявлении», — было порождено уничтожением русской государственности, разрушением цельности живого здания Церкви и культурных традиций. Пока существует разделение, будут появляться и поводы к его углублению, поскольку в состоянии разделения заложена возможность все новых конфликтов. Существуют силы, заинтересованные в углублении противостояния. Даже люди, ревнующие о пользе Церкви, могут невольно его углублять. Зачастую разделяющие нас моменты основаны на незнании и недоразумениях, в серьезном диалоге это становится очевидным, но затуманивается на уровне газетной полемики, нечетких или резких формулировок в заявлениях, или при различном понимании терминов. Сле- дует устранять подобные моменты хотя бы там, где это возможно»⁵⁷.

В «Заявлении» была пересказана тематика собеседований, отмечены различия исторических путей разных частей Русской Церкви. Далее говорилось: «Речь о разных „частях Русской Церкви“ не имеет в виду раздирание Тела Церкви на какие-то части, а наоборот, утверждает положительное понимание ее глу- бинной целостности, на основе которого можно и нужно преодолевать ожесточенность противостояния. В этом смысле все мы воспринимаем себя как чада духовных устоев Русской Церкви. Она есть Мать-Цер- ковь для всех нас, и в своей церковной жизни проявляется как в России, так и за рубежом, тем самым уже объединяя нас».

⁵⁷ Заявление участников девятого собеседования священнослужителей Русской Православной Церкви (Московского Патриарха- та и Зарубежной Церкви) на территории Германии // ВГЕ. 1998. № 1. С. 33–34.

Об отсутствии евхаристического общения уяснено (вопреки тем, кто разжигал страсти), что оно не утверждает некой «безблагодатности», и наоборот, что благодатность таинств и церковной жизни обеих сторон не должна ставиться под вопрос, равно как и «каноничность» не должна превращаться в орудие самоутверждения. О возможности евхаристического общения было сказано: «Ныне еще действуют исторические причины, связанные с иерархической дисциплиной. Мы пришли к выводу, что те проблемы, которые еще стоят между нами и требуют своего разрешения, не составляют абсолютного препятствия к евхаристическому общению».

Путь и подвиг митрополита Кирилла (Казанского) особо подчеркивался, как пример ответственного подхода к духовной сущности церковной жизни. «Заявление» заканчивалось словами: «Мы не готовы замалчивать проблемы и признаем трагичность современной ситуации, даже своеобразную безвыходность. Но, устанавливая наше общее стремление к единству, мы видим перспективу единства только на пути признания существенной полноценности церковной жизни каждой стороны. Без этого мы даже не в состоянии открыто говорить о реально возникающих проблемах, тем более решать их. А в этом наша ответственность перед Богом и церковным народом».

Сила заключалась в том, что это слово было сказано совместно. Кроме того, в отличие от встреч на уровне священников, как уже подчеркивалось, эти собеседования проходили под руководством правящих архиереев. Для своих епархий архиепископ Марк и архиепископ Феофан с представителями своего клира поступили вполне законно: архиерей — полный хозяин в своей епархии и может встречаться и беседовать, с кем считает нужным. «Заявление» же было написано исключительно от имени участников данного собеседования, а не от имени Московского Патриархата или всей Русской Зарубежной Церкви, как утверждали некоторые. Но именно такое неверное восприятие представляет интерес. Оно указывает на нерешенность проблемы «границ (внутри) Церкви»: отсутствовала ясность о границах и взаимодействиях в церковной жизни? Многие не могли бы тогда точно определить, отказывают ли они будь то Московской Патриархии, будь то Русской Зарубежной Церкви (в зависимости от собственной принадлежности) в праве считать себя Церковью полностью — и если не полностью, то в каком смысле? Что есть «Московская Патриархия» в узком смысле, как административный аппарат, и что есть «Московский Патриархат» как территориальная поместная Церковь, и какова их взаимосвязь? Как эти две единицы относятся к единому целому Русской Церкви? Солидарность с путями потаенной, катакомбной Церкви в России как носителем собственной церковной преемственности не облегчала проблемы. Проблему составляло и отношение к таинствам.

Эти вопросы не были абстрактными. Как кажется, «Заявлением» был выражен некий реальный сдвиг «границ Церкви» в том смысле, что более узкому пониманию церковной принадлежности противопоставлялось широкое понятие Поместной Русской Православной Церкви, частью которой считают себя обе реально встретившиеся стороны. Вместо привычного видения Русской Церкви в несколько абстрактном, чтобы не сказать мифическом образе, за этим словом стояла реальность двух церковных единиц (епархий), каждая иерархически связанная с единицами высшего уровня. Такая постановка вопроса породила внутри Русской Зарубежной Церкви некий взрыв. Это был поразительный факт. Почему это произошло?

Можно задуматься о том, каким в среде клира и верующих воспринимается реальное соотношение Русской Церкви к Церкви Христовой, «единой, святой, соборной и апостольской», или о том, каков расклад соотношенностей («лояльностей») у священнослужителей и мирян к разным уровням церковной жизни внутри Московского Патриархата. Но это — другая тема. Мы обратимся к Русской Зарубежной Церкви. Здесь всегда имела некая «двойная лояльность». Первая соотношенность (к своей части Русской Церкви и конкретно епархии, приходу) не отменяла второй, всегда сопричастующей солидарности с Россией и Русской Церковью в целом. Только виделись и переживались они, т. е. Россия и Русская Церковь, разными людьми и группами по-разному, и применение солидарности приобретало качественно разные объекты. К этой двойной соотношенности, питающей внутреннюю соборность и остро переживаемой как ответственность, следует прибавить третью составную — историческую. Отсюда столь часто упоминался Поместный Собор 1917–1918 гг. И хотя сам Устав РПЦЗ («Положение»), равно как и ее приходской устав, коренится в этом Соборе, все же этот исторический момент также был связан с различным восприятием и толкованиями, переживался очень различно. Имеется и четвертый аспект, это — церковная перспектива будущего, или иначе, ответственность по отношению к дальнейшему развитию. Это, в свою очередь, проявляется в нередких ссылках на грядущий Всероссийский Собор. Во всех этих четырех измерениях соотношенности к целому, именуемому «Русская Церковь», разнообразие восприятия было всегда достаточно большим. Но это не было нигде высказано или уяснено. Как правило, такие не подлежащие анализу, невысказанные основные послышки содержат самый сильный эмоциональный заряд.

Невозможно было, чтобы в стремительно менявшейся ситуации весь этот внутренний расклад оставался без изменений. Вместе с 1990 г. наступило время перераспределения границ и соотношенностей, нового упо-

рядочивания. Процесс этот развивался непрестанно, и разные группы и течения в Русской Зарубежной Церкви были задействованы на разных «фронтах». В Германской епархии уровни соборного включения Русской Зарубежной Церкви рассматривались следующим образом: 1) епархия — неотъемлемая единица Русской Зарубежной Церкви как единого целого; 2) Русская Зарубежная Церковь как неотъемлемая часть единой Русской Церкви; 3) Русская Церковь, или Московский Патриархат, как Поместная Церковь в исторической перспективе Поместного Собора 1917—1918 гг., но без мифов, т. е. в свете строго фактологически-исторического анализа; 4) церковное будущее без иллюзий, т. е. при учете состояния нынешней Русской Церкви в целом. В этих категориях проходили собеседования.

Соприкосновение-встреча двух епархий в Германии — каждая со своими связями в отношении других церковных уровней — была правомочна, но в общем раскладе означала тектонический сдвиг. И последовало землетрясение. Можно это назвать иначе — вторжением в покой давно сложившихся жизненных концепций, сосуществующих сравнительно бесконфликтно рядом с другими в одном организме (Русской Зарубежной Церкви). Более всего были потрясены «Заявлением» те, у которых их солидарности («лояльности») выстраивались по-другому. Не удивительно поэтому, что последовали крайне эмоциональные реакции. Тем, у которых «границы Церкви» выглядели иначе и оценки ситуации в России были иными, показалось, что примененный подход все уже предрешил. Они усмотрели в этом деятельном подходе «нарушение соборности». Однако соборность не нарушалась, а наоборот, устранялись преграды, тормозившие соборный процесс как внутри Русской Зарубежной Церкви, так и внутри всецелой Русской Церкви.

Кризис 1998 г.

Если «Заявление» вызвало радость у одних, то у других оно вызвало ожесточение. В поступавших отрицательных откликах из среды Русской Зарубежной Церкви более всего поражало непонимание не только сути дела, но даже и формулировок. Заговорили даже не о переговорах (разумеется, недопустимых и не допущенных), а о некоем «соглашении», причем якобы составленном полностью в «экуменическом духе», об «унии». Невозможно здесь разбирать эту критику.

Отрицательные голоса вынуждали к ответу, и с целью умиротворения последовали две публикации в «Вестнике Германской Епархии»⁵⁸. Одна, более обширная, откликнулась на критику, но далее посвящена историческому осмыслению — пути священномученика Кирилла Казанского, другая — непосредственно разъясняла положения «Заявления» с учетом критики. В ней описывалась пастырская ситуация в Германии при огромном притоке людей из бывшего СССР и доказывалось, что необходимо осмыслить церковные взаимоотношения и прийти к взаимному признанию (особенно благодатности таинств) во избежание дальнейшего роста церковной неправды. Во вред пастве дело доходило до абсурда: из-за незнания истории и действительного положения священники Московского Патриархата порой запрещали прихожанам, переселявшимся в Германию, посещать храмы РПЦЗ. Заканчивалась эта статья перспективой созыва Всезарубежного Собора.

Время было критическое: повтор и новый виток конфликта с митрополитом Виталием, а лучше сказать — с его окружением. Архиепископ Марк единоличным решением митрополита Виталия был выведен из состава Синода: «От сего дня, — писал Председатель Синода 6/24 февраля 1998 г. владыке Марку, — Вы больше не член Синода. Ваше дело будет обсуждаться на Синоде и Вы имеете право быть только на том заседании, которое касается Вашего личного дела»⁵⁹. Другие члены Синода не допустили такого оборота дела, справедливо рассудив, что в Синод архиепископ Марк был избран Архиерейским Собором и что устранить его из Синода можно разве что общесинодальным решением, требующим затем утверждения Собора.

Необходимо упомянуть поданную к Архиерейскому Собору 1998 г. «Оценку деятельности архиепископа Марка в диалогах с Московской Патриархией», подписанную пятью архиереями, действующими на российской территории («Архиерейское Сопровождение Российских Преосвященных»). В этом понимании архиепископ Марк «сознательно нарушил соборность», «превысил свои полномочия и вел диалог как бы от лица всей Зарубежной Церкви». Подписавшие архиереи видели в этом «тяжелый удар по нашим Российским епархиям, а наиболее по катакомбным приходам» и толковали происходящее как готовность «полного и добровольного принятия Зарубежной Церковью сергианства», ведущего к «исчезновению Русской Православной Церкви Заграницей не просто юридически, но уничтожая ее духовную ценность». Они не только поддержали выведе-

⁵⁸ Н. А. Пути Российской Церкви, вчера — сегодня — завтра. В свете экклезиологии священномученика Кирилла Казанского // ВГЕ. 1998. № 2. С. 16—26; Артемов Н., прот. РПЦЗ и МП: О чем же, собственно говоря, речь? Попытка уточнить... // ВГЕ. 1998. № 3. С. 19—24

⁵⁹ АГЕ-НА-6 Г — 24.02.1998.

дение владыки Марка из Синода, но выразили мнение, что его «действия, имеющие особую опасность для Церкви, заслуживают и более сурового наказания»⁶⁰.

Епископ Кирилл Сеаттлийский (в будущем архиепископ Сан-Франциский), издавший в феврале «суждение»⁶¹, в котором категорически отвергал «Заявление», впоследствии не просто изменил точку зрения. По-новому осмыслив ситуацию и стремления своего иерарха-собрата, архиепископа Марка, он просил у него прощения за недоразумение и стал решительным сторонником пути диалога.

Группа мирян разослала по всей Зарубежной Церкви письмо⁶² со сбором подписей к 30 апреля 1998 г. в поддержку митрополита Виталия и Послания «Русская Православная Зарубежная Церковь (ее современное значение)»⁶³, в котором заявлялись позиции исключительности. Другая группа мирян (из Флориды) обратилась к архиерейскому составу РПЦЗ ввиду «опасного положения в руководстве»: «смирненно просим владыку митрополита Виталия вспомнить пример последних дней жизни приснопамятного и глубоко нами чтимого митрополита Анастасия <...> уйти на покой»⁶⁴. Здесь было также выражено желание, чтобы Архиерейский Собор в мае 1998 г. решил в недалеком будущем Всезарубежный Собор.

Если в письме за подписью Первоиерарха РПЦЗ говорилось про «колоссальный соблазн среди всего нашего духовенства как Германского, так и всего Европейского»⁶⁵, то это было несомненным преувеличением. Пастырское совещание и собрание старост Германской епархии от 1 мая 1998 г. во Франкфурте полным составом (за исключением одного священника) подписало письмо-обращение к архиереям и ко всей Русской Зарубежной Церкви⁶⁶. Основа такого действия состояла в признании своей ошибки: хотя в Германской епархии было известно о беседах, однако за пределами ее информации не доставало. Признавалось, что недостаточно было заботы об общении с другими на смежные темы, а в кратком «Заявлении» объем и сущность проведенной работы не удалось достаточно четко выразить. Но целью «Заявления» было «обозначить, что следует продолжать изучение круга вопросов, существенных для Церкви, даже не только Русской, а также постепенно расширить круг участников. Это было заявлено вопреки стремлениям противоцерковных сил, углубляющих своими действиями разделение (Хеврон, требование царских храмов в Германии и т. д.)», говорилось в открытом письме. Участники собрания во Франкфурте просили доверять позиции их архиерея, которую они подкрепляли ссылкой на «Вестник Германской Епархии» (№ 4 за 1997 г., см. выше) и Послание Архиерейского Собора 1994 г. К письму прилагалась на нескольких страницах возможная программа Всезарубежного Собора, о котором также просили собравшиеся. Германская епархия решила исправить свою ошибку и данная информация была распространена по нескольким сотням электронных адресов и номеров факсов. Ввиду того, что в РПЦЗ уже шли рассылки и сборы подписей, необходим был такой ответ.

Архиерейский Собор 1998 г., состоявший из 17 архиереев, в том числе четырех из России, в своем Послании объяснил, что «переговоры» не велись, и опасения касательно «самоупразднения» Русской Зарубежной Церкви не имеют основания⁶⁷, но стороны приняли решение о созыве Всезарубежного Собора в 2000 г. Волны временно улеглись.

Заключение

Известно, что в 2000 г. Всезарубежный Собор не состоялся. Но состоялся Архиерейский Собор в Москве, обозначивший новые пути по трем важнейшим для Русской Зарубежной Церкви вопросам: прославление сонма Новомучеников Российских, отношение Церкви к государству, отношение к инославным. Архиерейский Собор РПЦЗ в Нью-Йорке в октябре того же года положительно откликнулся на постановления Ар-

⁶⁰ АГЕ-НА 6 Г — Без даты (к Собору 1998 г.). Подписи: Архиепископ Лазарь, Епископ Венямин, Епископ Евтихий, Епископ Агафангел, Епископ Михаил. Родившийся в эмиграции, Епископ Михаил (Донсков) позже изменил свой подход на основе собственного опыта в России, особенно поездки с мощами преподобномучениц Елисаветы и Варвары в 2005–2006 гг. Епископ Евтихий (Курочкин) поначалу положительно откликнулся на решения Архиерейского Собора в Москве 2000 г. и совместно с архиепископом Марком повлиял в этом смысле на отклик Архиерейского Собора РПЦЗ в октябре 2000 года (составление Послания, предложение образовать «Комиссию по вопросам единства Русской Церкви», резолюция по его докладу см.: ВГЕ. 1998. № 5–6. С. 3–7; Резолюция от 4/17.10.2000). Затем долго колебался. В мае 2006 г. окончательно определил свою точку зрения (см.: *Евтихий, еп.* Мои переживания на IV Всезарубежном Соборе, приведшие меня к покорности воле Божией // ВГЕ. 2006. № 3. С. 17–20).

⁶¹ АГЕ-НА 6 Г — факс от 23.02.1998.

⁶² АГЕ-НА 6 Г — 12.04.1998.

⁶³ АГЕ-НА 6 В, Без даты (март 1998)

⁶⁴ АГЕ-НА 6 Г. — 26.03.1998.

⁶⁵ АГЕ-НА 6 Г. — 24.02.1998.

⁶⁶ АГЕ-НА 6 В — 01.05.1998.

⁶⁷ Дословная формулировка: «Наша Церковь никаких переговоров о соединении с Московской Патриархией, т. е. о самоупразднении Русской Православной Церкви Заграницей никогда не вела и, разумеется, их не предполагает вести и теперь» (ВГЕ. 1998. № 3. С. 1).

хиерейского Собора в Москве⁶⁸. Это произошло несмотря на тяжелый повторный удар, во всем подобный хевронскому, — захват другого монастыря на Святой Земле, в Иерихоне в январе 2000 г. Дело в том, что решения, принятые в Москве, настолько отвечали принципиальным устремлениям Русской Зарубежной Церкви, что архиереи сочли двери приоткрытыми. Еще раз, в 2001 г., по уходе на покой митрополита Виталия, поднялись волны, прежде чем (после еще двух лет работы) в 2003 г. произошли дальнейшие сдвиги, которые — закрепленные декабрьским расширенным Пастырским совещанием в г. Наяке (США) — привели к поездке в Россию большой делегации, возглавляемой митрополитом Лавром, Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви, в мае 2004 г.

В составе встречных Комиссий, трудившихся над различными предварительными документами и «Актом о каноническом общении» (подписанном 17 мая 2007 г.), участвовали — из десяти — трое человек, которые вместе заседали уже днями во время собеседований в Германии, и еще двое, работавших вместе на исторических конференциях (2001 и 2002 гг.). Это по Германии 30%, а в целом даже половина состава рабочих Комиссий по диалогу, составлявших «Акт». Как «Акт», так и связанные с ним документы, наиболее же самый подход к вопросу разделения во время всего переговорного процесса, начиная с ноября 2003 г., были вполне сообразны тем линиям, которые проявились и во время германских собеседований

Инициатива в Германии, столь печально как будто закончившаяся, все же думается, принесла плоды — не только в Комиссиях. То же самое сказалось и в активности личного состава священнослужителей из Германии на Наякском пастырском совещании и, не в последнюю очередь, на Всезарубежном Соборе: все представлявшие Германскую епархию члены Собора в архиерейском (2) и священном (4) сане были ранее участниками собеседований, т. е. некогда прошли «школу» встреч 1993–1997 гг.

Р. С. В декабре 2007 г. состоялся наконец тот пастырский съезд двух епархий в Германии, о котором говорилось в декабре 1997 г. Его возглавляли два русских православных архиепископа. Оба они «Берлинские и Германские». Во время совместных богослужений это вызывало как понимающие улыбки, так и некоторое недоумение. Что сказать? Временное положение...

THE DIALOGUE OF THE CLERIC REPRESENTATIVES OF THE TWO GERMANIC DIOCESES (MP AND ROCA) 1993–1997 AS THE BEGINNING OF RESTORING THE UNITY OF THE RUSSIAN CHURCH

ARCHPRIEST N. ARTYOMOV

The article deals with the dialogue, which was held in 1993 – 1997 between two bishops and the cleric representatives of the two dioceses of the Russian Church in Germany (the Moscow Patriarchate and the Russian Orthodox Church abroad). There is an explanation of the historical context, and also ecclesiastical attitudes, which this dialogue was based on and which were finally realized through the restoration of the canonical communication within the Local Russian Orthodox Church.

⁶⁸ ВГЕ. 2000. № 5–6. С. 3–4; Резолюции от 4/17 и 8/21 октября 2000 г. // ВГЕ. 2000 № 5–6. С. 5–6.